

МГП и СМИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Научный журнал об актуальных проблемах
международного гуманитарного права
и средствах массовой информации

№ 2 / 2025

В НОМЕРЕ:

Стр. 9

Мартенсовские
чтения-2025

Стр. 16

МГП и защита прав детей

Стр. 53

До конца надеялись
на лучшее

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Центр исследований деятельности информационных служб и СМИ в условиях вооруженных конфликтов издает научный журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ». Наш центр функционирует на базе Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

Основные задачи издания:

- пропаганда основ международного гуманитарного права;
- изучение специфики и закономерностей функционирования средств массовой информации и органов информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов;
- исследование особенностей взаимодействия СМИ с ведомственными органами информационного обеспечения в условиях войн и вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- популяризация знаний о способах взаимодействия журналистов и органов информационного обеспечения в условиях войн, вооруженных конфликтов, террористических актов и чрезвычайных ситуаций;
- изучение теории и практики отечественной и зарубежной военной журналистики.

Приглашаем к сотрудничеству исследователей в сфере международного гуманитарного права (МГП), теории и практики военной журналистики, профессиональных журналистов, преподавателей, аспирантов и магистров.

Главный редактор Андрей КОЗЛОВ

Редакционная коллегия

Главный редактор – **А.В. Козлов**, доктор исторических наук, профессор.

Заместитель главного редактора – **Е.А. Младковская**, кандидат педагогических наук, доцент.

Ответственный секретарь – **А.Ш. Салихов**, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии:

С.Н. Бабурин, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН.

Т.Н. Владимирова, доктор педагогических наук, доцент, проректор, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета.

С.А. Плотов, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правоведения Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), профессор Международного юридического института.

С.Х. Канапьянов, доктор философии (PhD), старший преподаватель кафедры печати и издательского дела Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан.

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

В.А. Силкин, кандидат педагогических наук, секретарь Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

З.А. Станкевич, доктор юридических наук.

Т.М. Сыртланов, кандидат педагогических наук, член Президиума Совета Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»).

В.Н. Литовкин, военный обозреватель ТАСС.

И.В. Холиков, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, советник Генерального секретаря Международного комитета военной медицины (МКВМ) по юридическим вопросам.

О.И. Чердаков, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной и научной работе Международного юридического института.

Э.Э. Шульц, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета.

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала с концевыми ссылками на использованные источники.

Статьи необходимо присылать в адрес редакции (mgp_smi@mail.ru).

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 – 66970 от 25.08.2016 года.

Адрес редакции: 109240, г. Москва, ул. Верхняя Радищевская д. 16-18, тел: +7 (926) 275-10-75.

E-mail: mgp_smi@mail.ru

В выпуске журнала принимали участие студенты Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета А.А. Астахова, К.А. Лозован, С.В. Пестова, А.М. Согомонян Д.А. Ширияева, А.А. Флиман. Перевод – О.Е. Сливченко.

Подписано в печать 05.06.2025 г.

Типография «Белый Ветер». Тираж 500 экз. Заказ № 729 от 16.06.2025 г.

Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: (495) 651-84-56.

E-mail: wwprint@mail.ru

© Журнал «Актуальные проблемы МГП и СМИ», 2025.

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Козлов А.В.

Kozlov A. V.

Холиков И.В.: «Исполнение норм международного права в кризисных и конфликтных ситуациях – один из ключевых вопросов построения международных отношений»	4
Kholikov I.V.: «Implementation of international law norms in crisis and conflict situations as one of the key issues in building international relations»	4

КОНФЕРЕНЦИИ

Участникам «Мартенсовских чтений» рассказали об опыте преподавания международного гуманитарного права студентам-журналистам	9
Participants of the Martens Readings were told about the experience of teaching international humanitarian law to journalism students	9
Военная юстиция в условиях особых периодов	10
Military justice in special times.....	10
Актуальные проблемы информационного обеспечения деятельности Вооруженных Сил России	12
Relevant issues of informational support for the activities of the Armed Forces of Russia	12
Коммуникационный вектор-2025.....	14
Communication vector-2025.....	14

Трибуна аспиранта

Родионов А.Е.,

Rodionov A.E.

Защита прав детей в условиях вооруженных конфликтов.....	16
Protecting children's rights in armed conflicts.....	16

Окоча В.А.

Okocha V.A.

Критерии наемничества в современном праве	23
Criteria of mercenarism in modern law.....	23

Шемякин Е.А.

Shemyakin E.A.

Регулирование масс-медиа в странах Магриба после событий «арабской весны»	28
Peculiarities of media regulation in the Maghreb countries after the events of the Arab Spring.....	28

Пряхин Ю.В.

Pryakhin Y.V.

Обновленная законодательная база – важный фактор воинского воспитания Русской армии в период военных реформ 1855-1914 гг.	32
The updated legislative framework is an important factor in the military education of the russian army during the military reforms of 1855-1914.....	32

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ МГП И СМИ

Как провести различия между гражданским населением и комбатантами?41

How to distinguish between civilians and combatants?41

ПАМЯТЬ

Семенов Д.А.

Setenov D.A.

Мы, его коллеги и сослуживцы, до конца надеялись на лучшее.....53

We, his colleagues and co-workers, hoped for the best until the end53

КОНКУРСЫ И ОЛИМПИАДЫ

VIII межвузовская олимпиада «СМИ и актуальные проблемы55

международного гуманитарного права»

VIII Intercollegiate Olympiad «Media and Current Issues of International Humanitarian Law»55

Козлов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор.
E-mail: mgp_smi@mail.ru

ХОЛИКОВ И.В.: «ИСПОЛНЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КРИЗИСНЫХ И КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ – ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ВОПРОСОВ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Бесконтрольное распространение оружия и его неправомерное применение приводят к катастрофическим последствиям и заставляют страдать миллионы людей. Отсутствие должного контроля в данной сфере не только затягивает вооруженные конфликты и усиливает вред, наносимый противоборствующими сторонами друг другу, но также увеличивает издержки и сопутствующий ущерб гражданскому населению, препятствует последующему социально-экономическому и экологическому восстановлению затронутых боевыми действиями территорий. Яркий пример – силовая активность Организации Североатлантического договора (НАТО). Она осуществляется зачастую с нарушениями общепризнанных принципов и норм международного права. О сложившейся ситуации наш корреспондент беседовал с главным научным сотрудником центра международного

права и сравнительно-правовых исследований, профессором кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором И.В. Холиковым.

- Иван Владимирович, на наших глазах происходит откровенное игнорирование норм международного права, выборочное их применение и весьма свободная трактовка. В чем причина?

- Связано это с тем, что многие государства желают достигать своих целей силовыми или гибридными методами. Нарастание подобных тенденций приводит к изобретению новых способов неисполнения международно-правовых норм.

- Является ли по-прежнему аксиомой то, что право – социальная сфера, которая продолжает выполнять свои регулирующую, консолидирующую и воздающую функции даже в условиях откровенного попрания действующих норм?

- Современное право обладает потенциалом и способностью выступать методом и средством социального взаимодействия, достижения идей равенства, добра и справедливости. Международное право выступает той общечеловеческой инстанцией, которая указывает цивилизованные способы разрешения противоречий, предлагая практические варианты снижения конфликтности человеческого поведения. В этом ракурсе естественным и логичным является требование норм международного гуманитарного права об избирательном поражении военных объектов противника без нанесения ущерба гражданскому населению.

- Как это соотносится с тем, что любая военная операция нацелена на физическую и моральную победу над противником?

- Многое зависит от принципиального подхода стороны конфликта. Так, в ходе проведения специальной военной операции на Украине российские войска демонстрируют приверженность к соблюдению норм МГП, не нанося неизбирательные удары по жи-

лым кварталам городов, не поражая сооружения и коммуникации, содержащие опасные силы, в частности, дамбы, атомные электростанции и т.п. Данный подход во многом дает ответ на такие вопросы, как «почему до сих пор стоят мосты на Днестре» и почему темпы продвижения российских войск не столь быстры. Российского солдата испокон веков отличал гуманизм и великодушие к поверженному противнику, ему не свойственны зверства к гражданскому населению и пленным, унижение их достоинства, стремление к разорению и опустошению и другие подобные действия.

- Чего не скажешь о противоположной стороне. Например, о НАТО. Ведь современная история знает множество примеров, когда тот же НАТО нарушал нормы международного гуманитарного права.

- Практически каждое несанкционированное международным сообществом вторжение сил альянса вызывало многочисленные жертвы среди мирного населения, а также разрушения гражданской инфраструктуры, уничтожение культурных ценностей. Происходило это в результате как непосредственно самой интервенции, так и в ходе следовавших за ней гражданских войн, этнических чисток, экологических и гуманитарных катастроф.

- Иван Владимирович, какие, на ваш взгляд, наиболее серьезные нарушения МГП совершены Североатлантическим союзом?

- В Югославии, можно отметить умышленное и целенаправленное разрушение ее инфраструктуры. По итогам операции «Союзническая сила» количество жертв среди мирного населения оценивается различными источниками от одной до тридцати тысяч убитыми, при этом 30 процентов убитых и почти 40 процентов раненых – дети, а количество беженцев за время бомбардировок составило почти 860 тыс. человек. По сути, операция являлась воздушной наступательной, проведенной с участием всех видовых компонентов при ведущей роли ВВС США.

- Помнится, насмехаясь над фактами, первые лица НАТО подчеркнули, что в истории еще не было военно-воздушной операции, настолько разрушительной для военных и при этом настолько дружественной к гражданскому населению.

- Было такое. А еще представители командования НАТО заявляли, что воздушная кампания против Югославии стала наиболее точной воздушной операцией с минимальным количеством жертв в истории. Все эти речи действительно звучали как издевка.

- Чем натовцы обосновывали ранее и обосновывают сегодня свои действия?

- Основной их аргумент – издержки и сопутствующий ущерб в ходе военной операции неизбежны. Главное – достичь основной цели: уничтожение или ослабление противника. При этом «сопутствующий ущерб» определялся как неумышленный ущерб, причиненный в результате военных действий. В одном ряду по масштабу причиненного «сопутствующего ущерба» и поведению *ultra vires* стоят военные операции НАТО в Афганистане, Ираке и Ливии.

- Иван Владимирович, можно ли утверждать, что НАТО игнорирует не только принципы и нормы международного гуманитарного права, но и конвенции в области контроля над вооружениями?

- Безусловно, НАТО осуществляет поставку вооружения и военной техники в зоны оперативных интересов альянса с нарушением конвенций в области контроля над вооружениями.

- Давайте здесь вспомним подробности истории с применением НАТО кассетных боеприпасов.

- Коалиционные силы Североатлантического альянса во время операции в 1999 г. на территории Югославии использовали кассетные бомбы. Гуманитарные последствия их неизбирательного применения в данном конфликте, а также в последующем на территории таких государств, как Афганистан, Ирак и Ливия, предопределили необходимость рассмотрения данного вопроса на международном уровне. В частности, появилась Конвенция по кассетным боеприпасам, которая вводит запрет на их производство, хранение, применение и передачу соответствующих боеприпасов. К документу на 1 января 2024 г. присоединились 112 государств, в том числе большинство стран-членов НАТО, 12 стран ее подписали, но не ратифицировали.

- Но ведь США не являются участниками этой конвенции?

- Несмотря на то, что США, как и ряд других государств, не являются участниками Конвенции по кассетным боеприпасам, их действия можно квалифицировать как нарушение Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие. Конвенция устанавливает две важнейшие нормы регулирования военных действий: необходимость обеспечения различия между гражданским населением и военным персоналом, а также запрет на применение оружия, причиняющего излишние повреждения или страдания участникам вооруженного конфликта или делающего их смерть неизбежной.

Также показательными примерами нарушения Конвенции о «негуманном» оружии могут считаться военные операции альянса, в которых отмечено использование напалма, боеприпасов с обедненным ураном и снаряженных белым фосфором.

- Всем понятно, что ВСУ осуществляют свои действия при всесторонней поддержке, под руководством и с участием представителей стран-членов НАТО. Какие факты нарушения вооруженными силами Украины Конвенции о «негуманном» оружии зафиксированы в зоне специальной военной операции?

- Их достаточно много. Отмечено целенаправленное минирование украинскими вооруженными формированиями дорог между населенными пунктами, мостов, территорий вокруг жилых застроек, образовательных и медицинских учреждений, а также других гражданских объектов.

- Поставки образцов БВТ регулируются целым рядом международных документов, касающихся вопросов контроля над вооружениями и их нераспространения. Все ли их нормы соблюдаются?

- Один из принципов режима контроля закрепляет недопустимость выдачи разрешений на поставку оружия при наличии риска его использования в нарушение международного гуманитарного права, возникновения или обострения вооруженных конфликтов.

Должно приниматься во внимание и возрастание вероятности несогласованного ре-экспорта, незаконного оборота оружия. Подобных прецедентов, по данным Стокгольмского института исследований проблем мира, было зафиксировано достаточно еще до начала специальной военной операции. С февраля 2022 г. количество организованных масштабных поставок ВВТ НАТО в зону украинского конфликта резко возросло.

- Иван Владимирович, должны ли государства-экспортеры брать в расчет вероятность того, что их вооружения могут использоваться для совершения военных преступлений?

- Государство-экспортер обязано учитывать вероятность того, что вооружения или средства могут быть использованы для совершения серьезного нарушения норм международного гуманитарного права. Лишь после проведения такой оценки государство-экспортер должно принимать решение о поставке вооружения или техники. В случае же наличия любого подобного риска, оно не должно давать разрешение на осуществление экспортной операции.

В Международном договоре о торговле оружием (МДТО) также закреплено, что государство-экспортер не должно давать разрешение на передачу вооружений в случае, если такая передача станет нарушением его международных обязательств по соблюдению оружейных эмбарго, или если государство знает, что эти вооружения будут использованы для совершения актов геноцида, преступлений против человечности, серьезных нарушений Женевских конвенций 1949 г.

- Но, несмотря на все военные преступления ВСУ, страны НАТО по-прежнему поставляют вооружение на Украину.

- Таков ныне коллективный запад. Продукция военного назначения, поставляемая странами НАТО, большинство из которых являются участниками МДТО и его ратифицировали, применяется вооруженными силами Украины в зоне СВО с многочисленными грубыми нарушениями Женевских конвенций 1949 г. Это, согласно договору, требует от государств-экспортеров немедленного прекращения поставок. Всем известно, что США поставляют на Украину кассетные боеприпасы, среди которых 155-миллиметровые артиллерийские снаряды типа DPICM, попадающие под ограничения. Передачу Киеву оружия, запрещенного Конвенцией, осуществляют также и другие страны НАТО.

- Какие военные преступления совершили ВСУ с использованием натовского вооружения?

- Киев осуществляет обстрелы мирных кварталов, объектов жизнеобеспечения, гражданской инфраструктуры. ВСУ наносят удары по медикам, оказывающим помощь пострадавшим от обстрелов, преднамеренно атакуют беспилотными летательными аппаратами врачей и учреждения здравоохранения в прифронтовых регионах России, целенаправленно убивают и калечат гражданских лиц, в том числе и ваших коллег – журналистов.

Фиксируются факты использования ВСУ мирного населения в качестве «живого щита», создания препятствий для выхода мирного населения, минирования невоенных объектов, размещения вооружений в густонаселенных жилых кварталах, оборудования огневых точек в детсадах, школах, больницах, церквях, жилых домах и местах размещения опасных химпроизводств. Установлены случаи вербовки ВСУ детей.

- Следственным комитетом России установлены факты передачи странами-членами НАТО Украине и применение Киевом фосфорных боеприпасов, мин-«лепестков».

- И не только эти факты. В нарушение норм международного права в ряде населенных пунктов зафиксирована установка ВСУ мин в местах массового посещения гражданских лиц, применяются противотанковые мины MI AC HPD F2 французского производства, которые являются необезвреживаемыми и неизвлекаемыми, аналогичные им немецкие мины DM31. Известно и об использовании украинской стороной немецких мин DM1399, деактивировать которые практически невозможно в связи с наличием у них системы са-

моу уничтожения фугасного действия, а также крайне чувствительного взрывателя, реагирующего как на гражданскую технику, так и на человека.

- Отдельный вопрос – реэкспорт военной техники и вооружения без согласия страны-экспортера. А здесь нормы международного права как работают?

- Поставка большинства видов вооружений должна сопровождаться выдачей сертификата конечного пользователя, содержащего обязательства использовать продукцию военного назначения исключительно в заявленных целях, не допускать ее реэкспорта без официального согласия страны-экспортера.

- Иван Владимирович, есть ли примеры нарушения этих правил?

- Данное положение нарушают Болгария, Польша, Словакия, Соединенные Штаты, Чехия и ряд других стран-членов альянса. Ими предпринимаются попытки закупать ВВТ российского или советского производства для ВСУ в разных государствах, в первую очередь в странах Ближнего Востока. При этом «реэкспортеры» полностью игнорируют угрозу попадания современного высокоточного оружия в руки террористических организаций не только на Украине, но и в других странах мира, нарушая таким образом целый ряд международных договоренностей, в том числе резолюцию Генеральной ассамблеи ООН «Предотвращение незаконной передачи ПЗРК, несанкционированного доступа к ним и их несанкционированного использования».

- Возвращаясь к началу нашей беседы, что можно противопоставить игнорированию и весьма свободной трактовке норм международного права?

- Исполнение норм международного права в кризисных и конфликтных ситуациях – один из ключевых вопросов построения международных отношений. Для предотвращения и пресечения правонарушений необходимо соблюдение норм международного права всеми его субъектами. Важно и наличие специальных институтов международного правосудия, способных обеспечить правоприменение. При этом ключевое место в системе международной безопасности, бесспорно, должно сохраниться за Советом Безопасности ООН.

- Спасибо за интервью!

Беседовал Андрей Козлов.

На фото: Последствия бомбардировки Югославии, 1999 года.

Фото из сети Интернет.

УЧАСТНИКАМ «МАРТЕНСОВСКИХ ЧТЕНИЙ» РАССКАЗАЛИ ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА СТУДЕНТАМ-ЖУРНАЛИСТАМ

9-11 июня 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла XV Международная научно-практическая конференция по международному гуманитарному праву «Мартенсовские чтения – 2025».

«Мартенсовские чтения» – крупнейшее научно-практическое событие в сфере международного гуманитарного права (МГП), пользующееся заслуженным авторитетом в России и за ее пределами. Уже 25 лет конференция объединяет ведущих юристов-международников, преподавателей МГП стран ближнего и дальнего зарубежья. Тема форума этого года – «Гуманность на поле брани: через призму истории, исследования и преподавания».

Мероприятие прошло на площадке юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Соорганизаторы форума – Международный Комитет Красного Креста, Российская ассоциация международного права.

В ходе работы секции «Преподавание МГП» опытом проведения занятий по основам международного гуманитарного права студентам-журналистам в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) поделился заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ, главный редактор научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ», доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов.

Участники «Мартенсовских чтений – 2025» обсудили темы: «Современные вызовы вооруженных конфликтов», «История международного гуманитарного права», «Научно-исследовательская работа в области международного гуманитарного права», «Проекты Международного Комитета Красного Креста», «Преподавание международного гуманитарного права» и др.

Алла Агаджанян, Анастасия Флиман.

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ В УСЛОВИЯХ ОСОБЫХ ПЕРИОДОВ

В Российском государственном университете правосудия им. М.В. Лебедева прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Военная юстиция в условиях особых периодов». Мероприятие было посвящено 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Гостей конференции приветствовал ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор Владимир Кулаков. Он подчеркнул важность изучения вопросов, связанных с ролью военных судов (военных трибуналов) в условиях войн и вооруженных конфликтов.

Владимир Викторович призвал участников активно делиться своими идеями и предложениями, создавая тем самым платформу для конструктивного диалога между учеными, практиками и государственными структурами. Ректор РГУП обратил внимание на то, что «результаты исследований предшественников до сих пор являются основой для разработки новых решений, направленных на совершенствование регулирования правовой системы России».

Перед участниками мероприятия выступил заместитель Председателя Верховного Суда РФ, председатель Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ генерал-лейтенант юстиции запаса Владимир Хомчик. Тема его доклада – «Деятельность военных судов (военных трибуналов) в условиях войн, вооруженных конфликтов и специальной военной операции: организационные и правовые аспекты».

Владимир Владимирович отметил, что «успешная борьба военных трибуналов со всеми видами преступлений в годы войны имела огромное значение для достижения главной цели – разгрома врага».

Этот исторический опыт востребован и сегодня. «В настоящее время военные суды и Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ обращают особое внимание на обеспечение судебной защиты прав, социальных гарантий и законных интересов участников специальной военной операции».

В завершении доклада, обращаясь к собравшимся в зале будущим юристам, Владимир Хомчик подчеркнул, что «современный военный судья должен быть готов действовать в боевой обстановке».

В ходе научно-практической конференции участники обсудили следующие темы: «Осуществление правосудия военными трибуналами в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны», «Токийский и Хабаровский трибуналы: приговоры во имя мира», «Некоторые вопросы деятельности органов военной юстиции по обеспечению реализации социальных гарантий участников СВО», «Обеспечение законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и обеспечение неотвратимости наказания украинских и иностранных военных преступников военными судами в особые периоды», «Военно-боевое уголовное право в практике органов военной юстиции в особые периоды» и другие.

В дискуссии приняли участие представители Верховного Суда РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, Главной военной прокуратуры РФ, Военного университета им. князя Александра Невского Минобороны России, Правового департамента Минобороны РФ и профессорско-преподавательский состав Российского государственного университета правосудия им. М.В. Лебедева.

Участники конференции отметили, что прошедшее в стенах РГУП мероприятие вновь подтвердило обеспечиваемые университетом высокий уровень и глубокую профессиональную направленность подготовки будущих специалистов в области военного права.

Андрей Ордин.
Фото Андрея Ордина.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ

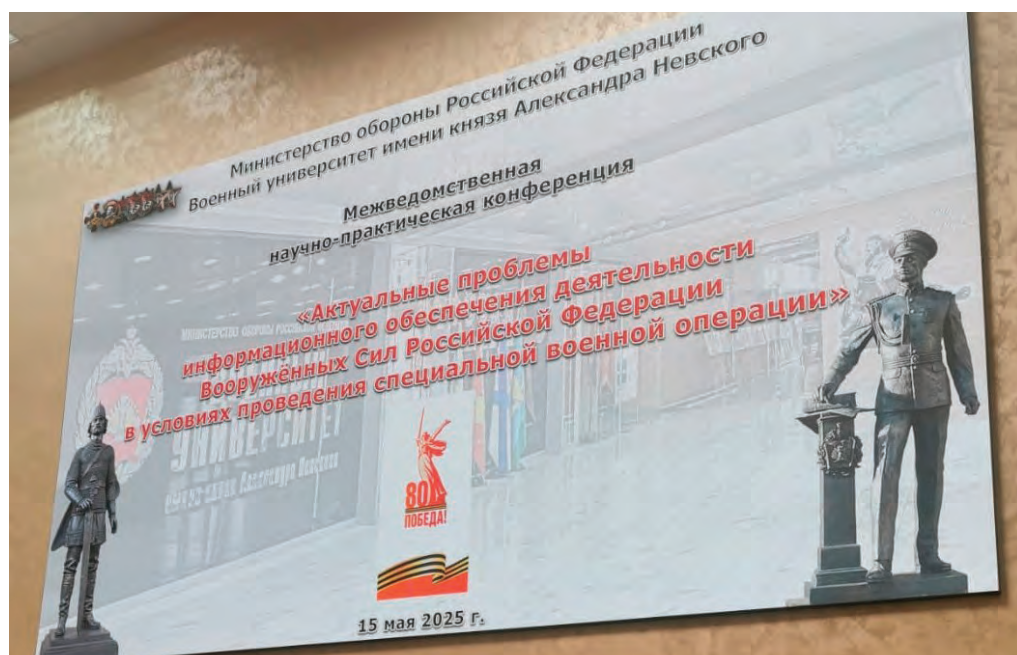
В Военном университете им. князя Александра Невского МО РФ прошла ежегодная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы информационного обеспечения деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции».

В ее работе приняли участие представители Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, Департамента информации и массовых коммуникаций Министерства обороны РФ, Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Российского государственного гуманитарного университета и др.

Участники мероприятия обсудили темы: «Информационное обеспечение деятельности Вооруженных Сил РФ в условиях проведения специальной военной операции», «Методологические аспекты противодействия фальсификациям сообщений в ходе социальных коммуникаций», «Работа военного корреспондента в особых условиях», «Новейшая практика информационных операций: до и после начала специальной военной операции», «Влияние медиаконтента на формирование положительного имиджа Вооруженных Сил РФ» и др.

В ходе проведения конференции состоялось традиционное вручение премии имени воина-афганца майора Валерия Глезденева. В этом году Лауреатом премии стал курсант Александр Наумов, обучающийся по специальности «Военная журналистика». По традиции премию вручал военный обозреватель Виктор Литовкин. Ценные подарки победителям вручил помощник генерального директора ООО «Курский аккумуляторный завод», кандидат педагогических наук, полковник запаса Тимур Сыртланов. В организации и проведении торжественной церемонии участие принял заведующий кафедрой коммуни-

кационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета, доктор исторических наук, профессор Андрей Козлов.

Военный журналист Валерий Васильевич Глезденев погиб в Афганистане 10 октября 1984 г. Он награжден двумя орденами Красной Звезды. В 1986 г. на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического училища был учрежден творческий конкурс имени Валерия Глезденева. Спустя год аналогичный конкурс был организован на редакторском отделении Военно-политической академии им. В.И. Ленина. С 2003 г. творческий конкурс проводится в Военном университете МО РФ.

Андрей Ордин.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ ВЕКТОР-2025

В мае 2025 г. прошел Всероссийский симпозиум «Коммуникационный вектор-2025».

Организаторами мероприятия выступили кафедра коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета и кафедра коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Московского педагогического государственного университета.

Модераторами симпозиума стали профессор кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, доктор политических наук, профессор А.Н. Чумиков и заведующий кафедрой коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, кандидат исторических наук, доцент Э.Э. Шульц.

На протяжении двух дней участники обсуждали проблемы, связанные с развитием коммуникационных технологий в политической сфере; коммуникационным сопровождением бизнес-проектов; аудиторными и медийными исследованиями. Отдельный блок был посвящен 80-летию Великой Победы и «войнам памяти».

Научному сообществу были представлены следующие темы: «Технологические и регулятивные тренды развития и позиционирования коммуникационного контента» (А.Н. Чумиков, доктор политических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет), «Современные медиапрактики симуляции истории Великой Отечественной войны» (В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ), «Войны памяти» и школьные учебники истории» (С.А. Гусев, доктор экономических наук, доцент, Академия гражданской защиты МЧС России), «Коммуникационные инструменты изменения исторической памяти» (Э.Э. Шульц, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет), «Реклама по тематике специальной военной операции» (А.В. Козлов, доктор исторических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет), «Комьюнити бренда в социальных сетях и мессенджерах как стратегический ресурс компании» (Е.Ю. Коломийцева, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный институт культуры), «Проблемы и тренды развития интерактивных методов работы с читателями в цифровой среде» (М.Н. Ми-

шункина, «Аргументы и факты»), «Состояние экологического сознания молодежи» (Е.А. Орлова, кандидат психологических наук, Московский педагогический государственный университет), «Война как неотъемлемый компонент общецивилизационного развития: социокультурные основания явления» (М.В. Аверина, доктор культурологии, доцент, Московский государственный лингвистический университет), «Медиакоммуникации в контексте геополитических трансформаций» (А.Я. Касюк, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет), «Корпоративная культура как коммуникативная стратегия образовательной организации» (Е.А. Младковская, кандидат педагогических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет), «Медиакомпетентность пользователей как новая философия информационной безопасности общества и устойчивого развития бизнес-процессов российских предприятий» (Т.С. Романишина, доктор экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ), «Искусственный интеллект в моделировании политических сценариев» (Т.В. Шафир, Союз журналистов России), «Научная коммуникация: векторы развития» (С.Е. Гришин, доктор политических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова), «Коммуникативные возможности новых общественных пространств: германский опыт музеефикации памяти о войне» (Т.С. Иларионова, доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), «Критерии выбора средств коммуникации при сопровождении бизнес-процессов» (Д.Е. Токарский, Союз журналистов России), «Методологическое значение интермедальности в современной культуре» (М.В. Логинова, доктор философских наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева), «Международное сотрудничество МЧС России как фактор внешней политики Российской Федерации и особенности его медиакоммуникационной поддержки» (И.В. Маслова, Департамент пресс-службы и информации МИД России), «Символический капитал Великой Победы: «войны памяти» в коммуникациях национальных государств» (М.М. Юспа, Республиканский институт высшей школы, Республика Беларусь, г. Минск) и др.

В работе симпозиума также принимали участие представители Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского гуманитарно-экономического университета, Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Республика Крым), Петрозаводского государственного университета, Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы и др.

Мария Козлова.

Родионов Алексей Евгеньевич, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: alex.kreativ@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Масштабы нарушений, связанных с физическим насилием, психическим воздействием, уничтожением, эксплуатацией и принудительным вовлечением детей в вооруженные формирования, обусловили необходимость создания международной правовой базы, направленной на обеспечение защиты несовершеннолетних в условиях вооруженных конфликтов.

Основополагающие положения по защите прав детей были определены во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), в ст. ст. 2–27 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), в Конвенции о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.).

В частности, названная Конвенция выделяет отдельные ст. ст. 38, 39, посвященные защите детей в условиях вооруженных конфликтов. Они обязывают государства уважать нормы международного гуманитарного права и защищать детей от любых форм насилия и эксплуатации.

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (2000 г.), повышает возрастной порог участия в боевых действиях с 15 до 18 лет.

Следует отметить также нормы, закрепленные в ч. 6 ст. 1 и ст. 26 Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 г.).

Вместе с тем, основы защиты прав детей закреплены в следующих документах:

- Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях (принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 г.).

- Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (пекинские правила) (приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1985 г.).

- Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (принята резолюцией 3318 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.).

Заслуживает особого внимания роль Совета Безопасности ООН в поддержании актуальности вопросов защиты прав детей в условиях вооруженных конфликтов, поскольку Совет Безопасности постоянно принимает резолюции, направленные на усиление механизмов защиты детей и борьбу с наиболее серьезными угрозами, с которыми они сталкиваются в условиях вооруженных конфликтов. Резолюции являются важным инструментом международного права, который способствует развитию и укреплению правовых норм и механизмов, направленных на защиту детей.

Одним из важнейших аспектов работы Совета Безопасности ООН является регулярное обновление и совершенствование международных стандартов в области защиты прав детей. Принятие резолюций, таких как 1261 (1999), 1314 (2000), 1379 (2001), 1460 (2003), 1539 (2004), 1612 (2005), 1882 (2009), 1998 (2011), 2068 (2012), 2143 (2014), 2225

(2015), 2427 (2018) и 2601 (2021¹), демонстрирует приверженность Совета Безопасности ООН укреплению механизмов мониторинга, отчетности и санкционирования в отношении сторон, нарушающих права детей в вооруженных конфликтах.

ЮНИСЕФ² играет ключевую роль в защите прав детей в условиях вооруженных конфликтов. Миссия организации направлена на обеспечение безопасности и благополучия детей, а также на минимизацию последствий, которые вооруженные конфликты оказывают на них. Организация реализует комплексную гуманитарную помощь детям в зонах вооруженных конфликтов, включая предоставление продовольствия, воды, медицинских услуг, а также поддержку в восстановлении образования. Организация активно работает над защитой детей от насилия, эксплуатации и вербовки в вооруженные формирования, содействуя их реинтеграции через программы психосоциальной помощи и образования.

ЮНИСЕФ имеет существенное значение в содействии реализации международных норм, направленных на обеспечение защиты прав несовершеннолетних, сотрудничая с государствами и международными организациями для обеспечения соблюдения соответствующих правовых обязательств. Важнейшей задачей является создание безопасной среды для детей, восстановление их психоэмоционального состояния и содействие их возвращению к мирной жизни.

Резолюция 2764 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2024 г. представляет собой важный шаг в укреплении международных усилий по защите прав детей в условиях вооруженных конфликтов. В документе подчеркивается роль ЮНИСЕФ и необходимость усиления механизмов защиты детей в рамках региональных и субрегиональных миротворческих операций, что отражает признание важности интеграции защиты детей в миротворческую деятельность. Отмечается роль всех подразделений ООН в обеспечении защиты детей, акцентируя внимание на важности передачи ключевых задач по защите детей командам ООН на местах в переходные периоды. Указанная мера направлена на повышение эффективности защиты прав детей непосредственно в зонах конфликта, где

¹ Ознакомиться подробно можно на официальном сайте ООН. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/volumes-resolutions> (дата обращения 18.11.2024).

² Резолюция 57/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1996 г. учредила Детский Фонд ООН (ЮНИСЕФ).

наиболее остро ощущается необходимость в оперативной и специализированной помощи.

Согласно последнему докладу Генерального секретаря ООН о детях и вооруженных конфликтах, количество зафиксированных серьезных нарушений прав детей в связи с началом боевых действий в 2023 г. достигло тревожного уровня – 32 990 случаев¹.

Указанное подтверждает необходимость усиления правовых и практических механизмов, направленных на защиту детей, учитывая масштабы и серьезность нарушений. Предварительные данные за 2024 г. свидетельствуют о том, что ситуация продолжает ухудшаться с возможностью достижения рекордных показателей нарушений за весь период наблюдений.

Под понятием «начало военных действий» следует понимать момент, когда начинается применение вооруженной силы между государствами или внутри государства, что, в свою очередь, влечет за собой возникновение определенных правовых последствий в рамках международного и внутреннего права. Согласно толкованию С.И. Ожегова, «военные действия» обозначают войну и боевые операции², что отражает суть понятия как совокупности действий, направленных на достижение военной цели посредством применения силы. В этом контексте, под военными действиями можно понимать все мероприятия, осуществляемые в ходе боевых операций, которые начинаются с момента применения вооруженной силы, как со стороны регулярных армий, так и со стороны других вооруженных групп, включая население, вовлеченное в конфликт.

В силу ст. 51 Устава ООН³, в случае агрессии или нападения на государство возникает право на самооборону⁴, которое может быть индивидуальным или коллективным. Указанное право вступает в силу с самого начала фактических военных действий.

Когда начинается активное применение силы, уже существуют определенные общественные отношения, требующие правового регулирования, направленного на обеспечение законности применения вооруженной силы и защиты прав человека в условиях конфликта.

Особенности психофизического развития не дают детям достаточных возможностей для самостоятельной защиты от негативных последствий вооруженных конфликтов, в связи с чем обеспечение их безопасности возлагается на государства и специализированные международные организации в рамках установленных международно-правовых обязательств⁵.

С учетом изложенного выше, международное гуманитарное право предусматривает широкий спектр мер по защите детей. Термин «международное гуманитарное право» наиболее полно и четко отражает суть проблемы. Он впервые был предложен в 1950-х гг. известным швейцарским юристом Ж. Пикте и за короткий период времени получил широкое распространение в публицистике, юридической литературе, а затем вошел в название Женевской дипломатической конференции (1974–1977 гг.) по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов⁶.

¹ Спецпредставитель ООН по вопросу о детях и вооруженных конфликтах приветствует новую резолюцию Совбеза ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/12/1459621> (дата обращения 15.02.2024).

² Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов; Под ред. С.П. Обнорского. М.: Госуд. изд. иностр. и нац. словарей, 1952. С. 620.

³ Устав Организации Объединенных Наций. Принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. (с изм. и доп. от 31 декабря 1978 г.) // СДД СССР. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

⁴ Холиков И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / И.В. Холиков, В.А. Окоца // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147–158.

⁵ Володькин Н.Д., Чернядзева Н.А. О международно-правовых механизмах защиты прав детей в вооруженных конфликтах // Океанский менеджмент. 2021. № 3(12). С. 5–9.

⁶ Военное право: учебник / А. В. Кудашкин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2021.

Защита жизни людей всегда останется приоритетной задачей, но крайне важным во время вооруженных конфликтов является и уважение достоинства всего народа в целом¹.

В случае начала вооруженного конфликта – международного или немеждународного – дети пользуются общей защитой, которая предоставляется гражданским лицам, не принимающим участия в военных действиях. Гражданским лицам, не являющимся комбатантами, гарантируется гуманное обращение. К ним применяются правовые положения, регулирующие ведение военных действий. Учитывая особую уязвимость детей, Женевские конвенции 1949 г. (далее ЖК III² и ЖК IV³) и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. (ДП I⁴ и ДП II⁵) устанавливают ряд конкретных норм, предоставляющих детям особую защиту. На них распространяются основные гарантии, предоставляемые этими договорами, в том числе право на жизнь, запрещение принуждения, телесных наказаний, пыток, коллективных наказаний и репрессалий (ЖК IV, ст. 27-34; ДП I, ст. 75), а также нормы ДП I, касающиеся ведения военных действий, в том числе принцип проведения различия между гражданскими лицами и комбатантами и запрещение превращать гражданских лиц в объект нападения (ст. 48 и 51).

ЖК IV гарантирует детям особое обращение, однако принцип особой защиты устанавливается ДП I: «Дети пользуются особым уважением, и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств. Стороны, находящиеся в конфликте, обеспечивают им защиту и помощь, которые им требуются ввиду их возраста или по любой другой причине» (ст. 77). Отраженный принцип применяется и к немеждународным вооруженным конфликтам (ДП II, ст. 4(3)).

Положения, касающиеся этой защиты, можно резюмировать следующим образом:

- эвакуация, особые зоны – ЖК IV, ст. 14, 17, 24(2), 49(3) и 132(2); ДП I, ст. 78; ДП II, ст. 4(3)(e);
- помощь и уход – ЖК IV, ст. 23, 24(1), 38(5), 50 и 89(5); ДП I, ст. 70(1) и 77(1); ДП II, ст. 4(3);
- установление личности, воссоединение семей, беспризорные дети – ЖК IV, ст. 24-26, 49(3), 50 и 82; ДП I, ст. 74, 75(5), 76(3) и 78; ДП II, ст. 4(3)(b) и 6 (4);
- воспитание, культурная среда – ЖК IV, ст. 24 (1), 50 и 94; ДП I, ст. 78(2); ДП II, ст. 4(3)(a);
- задержанные, содержащиеся под стражей и интернированные дети – ЖК IV, ст. 51(2), 76(5), 82, 85(2), 89, 94, 119(2) и 132; ДП I, ст. 77(3) и (4); ДП II, ст. 4(3)(d);
- запрещение выносить смертный приговор детям – ЖК IV, ст. 68(4); ДП I, ст. 77(5); ДП II, ст. 6(4).

Для того, чтобы обеспечить подлинное уважение прав детей, требуются широкомасштабные усилия в области распространения знаний и информации о международном гуманитарном праве и его соблюдении. Государства обязаны заниматься деятельностью по распространению знаний и информации (ЖК I – IV, ст. 47, 48, 127 и 144 соответственно; ДП I, ст. 83; ДП II, ст. 19; Факультативный протокол 2000 г., ст. 6).

968 с. С. 764–765.

¹ Дамаскин О.В. Современные проблемы международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Современное право. 2017. № 5. С. 104–111.

² Женевская конвенция от 12.08.1949 г. об обращении с военнопленными. Принята 12.08.1949 Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г.

³ Женевская конвенция от 12.08.1949 г. о защите гражданского населения во время войны. Принята 12.08.1949 г. Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г.

⁴ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол I). Протокол I принят на Дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 г.

⁵ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), 1977 г.

Невозможно не согласиться с существенным недостатком действующей системы международно-правового регулирования защиты прав детей в условиях вооруженных конфликтов, которым является ее преимущественно «фиксирующий» характер, когда органы ООН и их механизмы сосредоточены, главным образом, на документировании нарушений¹. Представляется, что проблема реализации норм МГП зачастую кроется в недостаточно эффективных механизмах международно-правовой ответственности, обусловленных политической конъюнктурой субъектов международного права².

Кроме того, до сих пор не сложилось понимания как воспринимать нормы МГП³, поскольку одни представители доктрины международного права считают, что все без исключений положения международного гуманитарного права должны составлять содержание императивных норм⁴, в то время как другие не разделяют данную точку зрения⁵.

Такая ситуация оставляет значительные пробелы в области превентивной защиты, что приводит к невозможности предотвращения массовых нарушений прав детей на ранних этапах конфликтов, о чем неоднократно пишут различные авторы⁶.

Нарушение прав детей в условиях вооруженных конфликтов продолжает оставаться актуальной проблемой, требующей совершенствования существующих международно-правовых механизмов защиты несовершеннолетних⁷.

Однако проблема ответственности за нарушение норм МГП состоит не только в наличии или отсутствии специальных институтов международного правосудия, но и в сложности обеспечения механизмов привлечения виновных лиц к ответственности. Решение названной проблемы в решающей степени зависит от готовности и способности, воли государств соблюдать нормы и принципы международного права не на словах, а на деле⁸.

Международное публичное право на современном этапе представляет собой динамичную и эволюционирующую систему, которая, несмотря на неизбежные нарушения⁹ в

¹ Жертвы натовских бомбардировок в Ливии // Зарубеж. воен. обозрение. 2012. № 1. С. 106.

² Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. семинара, Оренбург, 28 мая 2014 г. / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2014. С. 294–307.

³ Военное право: учебник / А.В. Кудашкин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2021. С. 761.

⁴ Condorelli L., Boisson de Chazournes L. Quelques remarques à propos de l'obligation des États de respecter et faire respecter le droit international humanitaire en toutes circonstances. Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet. C. Swinarski (ed.), ICRC/Martinus Nijhoff, Geneva/The Hague, 1984.

⁵ Stein T. Coalition Warfare and Differing Legal Obligations of Coalition Members Under International Humanitarian Law International Law Studies. Vol. 78. Legal and Ethical Lessons of NATO's Kosovo Campaign. 2002. P. 317.

⁶ Володькин Н.Д., Чернядьева Н.А. О международно-правовых механизмах защиты прав детей в вооруженных конфликтах // Океанский менеджмент. 2021. № 3(12). С. 5–9.; Зайцева Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Известия БГУ. 2013. №5. С. 86–93; Marco Sassòli. International Humanitarian Law: Rules, Controversies, and Solutions to Problems Arising in Warfare, Edward Elgar Publishing, Cheltenham: 2019. P. 720.

⁷ Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. семинара, Оренбург, 28 мая 2014 г. / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2014. С. 294–307.

⁸ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214–221. С. 220.

⁹ Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102–111.

области МГП¹, выполняет свою первоочередную задачу – установление правового диалога между государствами, народами и нациями в целях достижения единого правового консенсуса в любом вопросе², в том числе и защиты прав детей в условиях военного конфликта³.

Следует отметить, что нарушения международного права, включая положения, касающиеся защиты прав детей, не свидетельствуют о его неэффективности или несостоятельности как правовой системы, безусловно являясь нарушением общепризнанных норм и принципов международного публичного права (МПП). Напротив, такие нарушения подчеркивают динамику, при которой международное сообщество усиленно ищет возможности и меры для регулирования новых вызовов и проблем, выступая за необходимость дальнейшего укрепления международного права и совершенствования его механизмов, пытаясь привлекая виновных к ответственности и создавать условия для предотвращения их повторения в будущем.

Таким образом, первичная функция международного публичного права, заключающаяся в установлении правового диалога между государствами и в создании условий для соблюдения и защиты прав человека, в том числе детей, продолжает эффективно выполняться. Указанное позволяет видеть перспективу дальнейшего развития, поскольку несмотря на существующие нарушения, международное право остается ключевым инструментом для поддержания мира, гуманности и справедливости в мировом сообществе.

Список литературы

1. Володькин Н.Д., Черняева Н.А. О международно-правовых механизмах защиты прав детей в вооруженных конфликтах / Н. Д. Володькин, Н. А. Черняева // Океанский менеджмент. 2021. № 3(12). С. 5–9.
2. Военное право: учебник / А.В. Кудашкин [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2021. 968 с.
3. Дамаскин О.В. Современные проблемы международного гуманитарного права / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Современное право. 2017. № 5. С. 104–111.
4. Дамаскин О.В. Военные аспекты международного гуманитарного права / О. В. Дамаскин, И. В. Холиков // Военное право. 2017. № 2(42). С. 214–221.
5. Епифанов А.Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) / А. Е. Епифанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15, № 2. С. 14–20.
6. Жертвы натовских бомбардировок в Ливии // Зарубеж. воен. обозрение. 2012. № 1. С. 106.
7. Зайцева Л.И. Медиация как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Известия БГУ. 2013. № 5. С. 86 – 93.

¹ United Nations Human Rights Council. Annual report of the United Nations High Commissioner for Human Rights and reports of the Office of the High Commissioner and the Secretary-General. Report of the Independent International Commission of Inquiry on the Occupied Palestinian Territory, including East Jerusalem, and Israel. A/HRC/56/26. Fifty-sixth session. Geneva: United Nations, 2024. P. 21.

² Mary Ellen O'Connell. The Power and Purpose of International Law: Insights from the Theory & Practice of Enforcement. New York: Oxford University Press, 2008. P. 408; Cassese A. International Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2003; International Criminal Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 534.

³ Резолюция 2712 Совета Безопасности ООН, принятая 15 декабря 2023 г., в самой резолюции, содержится призыв к «немедленному, прочному и устойчивому гуманитарному перемирию, ведущему к прекращению военных действий», а также к предоставлению гуманитарного доступа Ближневосточному агентству ООН для помощи палестинским беженцам. Также документ призывает создать гуманитарные коридоры для поставки помощи сектору Газа. От сторон конфликта требуется выполнить обязательства «в соответствии с международным правом», освободить заложников и отказаться от распоряжения по перемещению всех мирных жителей с северной части сектора Газа на юг.

8. Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов; Под ред. С.П. Обнорского. М.: Госуд. издат-во иностр. и нац. словарей, 1952. С. 620.
9. Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. семинара, Оренбург, 28 мая 2014 года / Оренбург. гос. ун-т. Оренбург, 2014. С. 294 – 307.
10. Холиков И.В., Сазонова К.Л. Проблемные вопросы реализации международной ответственности международных организаций за нарушения норм международного гуманитарного права / И.В. Холиков, К.Л. Сазонова // Право в Вооруженных Силах – военное-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 102 – 111.
11. Холиков И.В. Вопросы нормативно-правового регулирования обеспечения химической и биологической безопасности / И.В. Холиков, Р.Н. Шепель, И.И. Николаев // Медицина труда и промышленная экология. 2023. Т. 63. № 6. С. 406–416.
12. Холиков И.В. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире / И.В. Холиков, В.А. Окоча // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 147–158.
13. Cassese A. International Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 2003; International Criminal Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 534.
14. Condorelli L., Boisson de Chazournes L. Quelques remarques à propos de l'obligation des États de respecter et faire respecter le droit international humanitaire en toutes circonstances. Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet. C. Swinarski (ed.), ICRC/Martinus Nijhoff, Geneva/The Hague, 1984.
15. Marco Sassòli. International Humanitarian Law: Rules, Controversies, and Solutions to Problems Arising in Warfare, Edward Elgar Publishing, Cheltenham: 2019. 720, p.
16. Mary Ellen O'Connell. The Power and Purpose of International Law: Insights from the Theory & Practice of Enforcement. New York: Oxford University Press, 2008. 408, p.
17. Stein T. Coalition Warfare and Differing Legal Obligations of Coalition Members Under International Humanitarian Law International Law Studies. Vol. 78. Legal and Ethical Lessons of NATO's Kosovo Campaign. 2002. P. 317.
18. The limits of international law / Jack L. Goldsmith a. Eric A. Posner. New York: Oxford univ. press, 2005. 262 p.

Алексей РОДИОНОВ.

Окоча Вадим Александрович, соискатель Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России.
E-mail: ovalexter@mail.ru

КРИТЕРИИ НАЕМНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Гибридный характер, интенсивность и технологичность современных вооруженных (военных) конфликтов, свидетельствует о том, что помимо вооруженных сил (формирований) сторон и сотрудников специальных служб, в таких конфликтах широко могут осуществлять свою деятельность и различные участники иррегулярных вооруженных формирований, работники (сотрудники) частных военных компаний (частных военных охранных компаний), членов террористических организаций и наемнических структур¹. Это актуализирует выявление критериев наемничества, определение правовых процессуальных и деятельностных приемов выявления связи различных лиц с наемническими организациями, а также участия в их деятельности.

Понятие и критерии выделения (верификации, определения, квалификации) наемничества, наемника и лиц, участвующих (способствующих) деятельности наемников сформировались в международном гуманитарном праве на основе положений Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) и Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. Модельным законом о противодействии наемничеству для стран СНГ также определены характерные признаки наемничества и критерии отличия наемника от комбатантов и иных лиц. Примечанием к статье 359 Уголовного кодекса Российской Федерации определены конкретные критерии различения наемников от иных лиц, для квалификации их действий в предварительном расследовании и уголовном судопроизводстве.

Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), подписанный в г. Женеве 08.06.1977² содержит в себе статью 47, посвященную правовому статусу наемника. В части 1 указанной статьи определено, что наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного.

В части 2 статьи 47 Протокола I указано, что наемник – это любое лицо, которое: а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях; в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; д) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; е) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; ф) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

¹ Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30–38.

² Далее – «Протокол I».

В пункте 1 Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников¹, принятой резолюцией № 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 г. указано, что для целей Конвенции термин «наемник» означает любое лицо, которое: а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте; б) принимая участие в военных действиях, руководствуется главным образом желанием получить личную выгоду и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функции, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны; в) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте; г) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте; е) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

Согласно пункту 2 Конвенции термин «наемник» означает также любое лицо, которое в любой другой ситуации: а) специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных на: i) свержение правительства или иной подрыв конституционного порядка государства или ii) подрыв территориальной целостности государства; б) принимая участие в таких действиях, руководствуется главным образом желанием получить значительную личную выгоду и которое побуждается к этому обещанием выплаты или выплатой материального вознаграждения; в) не является ни гражданином, ни постоянным жителем государства, против которого направлены такие действия; г) не направлено государством для выполнения официальных обязанностей; е) не входит в личный состав вооруженных сил государства, на территории которого совершаются такие действия.

В Модельном законе о противодействии наемничеству, принятом в г. Санкт-Петербурге 18 ноября 2005 г. Постановлением 26-6 на 26-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (носит рекомендательный характер)² в статье 1 приведены основные термины. Термин «наемник» обозначается как:

1.1) лицо, специально завербованное или нанятое в государстве или за его пределами иностранным государством или иностранными организациями (в том числе международными), группами или физическими лицами с целью участия в вооруженном конфликте, в военных действиях или в террористическом акте, и при этом данное лицо: а) не является ни гражданином государства, участвующего в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на его территории, ни гражданином или постоянным жителем государства, в котором происходит вооруженный конфликт, военные действия или совершается террористический акт; б) не входит в состав вооруженных сил, полиции (милиции) или иных структур военной организации государства, на стороне которого лицо принимает участие в вооруженном конфликте, военных действиях или террористических актах, либо того государства, на территории которого они происходят; в) не было направлено государством, не являющимся участником вооруженного конфликта или военных действий, или международной организацией для участия в миротворческих операциях или выполнения официальных обязанностей в регионе или в связи с урегулированием данного вооруженного конфликта или военных действий; г) принимая участие в вооруженном конфликте, военных действиях или террористическом акте, действует с целью получения материального вознаграждения или руководствуется стремлением к личной нематериальной выгоде в любых формах;

¹ Далее – «Конвенция».

² Модельный закон о противодействии наемничеству // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2006. № 37. С. 149–170. Далее – «Модельный закон».

1.2) лицо, которое приняло непосредственное участие в вооруженном конфликте на территории государства или в военных действиях, или в совершении террористических актов, направленных: на свержение законных органов власти или подрыв каким бы то ни было иным образом конституционного порядка, правовых, экономических, финансовых основ государства, или подрыв территориальной целостности или базовой инфраструктуры государства, его общественной и экологической безопасности, или совершение покушения на жизнь, физическую неприкосновенность или безопасность лиц, или совершение террористических актов, или овладение контролем над ценными природными ресурсами государства, или нарушение суверенитета, поддержку иностранной оккупации части или всей территории государства, или насильственное изгнание населения с мест его постоянного проживания; и при этом данное лицо: а) не является ни гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, ни лицом, постоянно проживающим на его территории, ни гражданином или лицом, постоянно проживающим на территории государства, в котором происходит вооруженный конфликт или военные действия или совершается террористический акт; б) не входит в состав вооруженных сил, полиции (милиции) или иных структур военной организации государства, на стороне которого лицо принимает участие в боевых действиях, либо того государства, на территории которого происходит вооруженный конфликт или военные действия или совершается террористический акт; в) не было направлено государством, не являющимся участником вооруженного конфликта или военных действий, или межправительственной международной организацией для участия в миротворческих операциях или выполнения официальных обязанностей в регионе вооруженного конфликта или военных действий, или в связи с урегулированием данного конфликта;

1.3) лицо, которое завербовано (нанято) иностранным государством или иностранными (в том числе международными) организациями и физическими лицами с целью совершения террористических актов или участия в вооруженном конфликте или военных действиях на территории государства, гражданином которого данное лицо является, и, используя свой статус гражданина данного государства, скрывает тот факт, что оно используется в качестве наемника иным государством или иностранной (международной) организацией или группой.

К наемникам не относятся граждане других государств, официально проходящие по контракту военную службу в вооруженных силах или других структурах военной организации государства, а также граждане государства, официально находящиеся с ведома государства на контрактной военной службе в вооруженных силах или других структурах военной организации иных государств.

К наемникам не относятся участники национальных и международных подразделений миротворческих сил, находящихся в регионе вооруженных конфликтов или военных действий по мандату ООН или региональных международных организаций.

Наемничество в Модельном законе понимается как:

совокупность действий отдельных лиц, групп лиц и организаций по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на осуществление вербовки, использования, обучения, финансирования и иного материального обеспечения наемников;

действия наемников по участию в вооруженных конфликтах, военных действиях и актах терроризма, в других действиях;

организация вооруженных формирований из наемников для участия в вооруженных конфликтах;

организационное, информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации действий, направленных на осуществление вербовки, использования, обучения и финансирования наемников, а также участия наемников в вооруженных конфликтах, военных действиях и актах терроризма, а также в других действиях;

к наемничеству не может быть отнесено обучение иностранных граждан в государственных военных учебных заведениях государства в соответствии с международными договорами и соглашениями.

В период обучения иностранных граждан в военных учебных заведениях государства запрещается их привлечение к учебным, учебно-тренировочным мероприятиям, выходящим за рамки учебного процесса и фактически направленным на подготовку наемников.

Негосударственные субъекты по обеспечению безопасности при этом понимаются как негосударственные (частные) охранные предприятия и иные организации независимо от форм собственности и организационно-правовых форм, действующие в сфере обеспечения частной, корпоративной и государственной безопасности.

Анализ судебной практики показал, что преступление, предусмотренное частью 1 статьи 359 Уголовного кодекса Российской Федерации, выражается в совершении таких действий, как: вовлечение участников в состав организованной группы; приискание граждан Российской Федерации, имеющих определенную мотивацию; вербовка приисканного гражданина Российской Федерации с определенной мотивацией для участия в организованной группе в качестве наемника за материальное вознаграждение в вооруженном конфликте; организация и обеспечение проезда завербованного наемника из Российской Федерации на территорию вооруженного конфликта; обучение и тренировка завербованного наемника; использование наемника в соответствующем вооруженном конфликте и в определенных боевых действиях. Законодатель обозначил свою позицию в части 3 статьи 359 УК РФ, указав на отсутствие признаков преступления, предусмотренного частью 3 статьи 208 УК РФ, как условие квалификации по данной норме уголовного закона. Разграничение данных составов следует осуществлять, прежде всего, по субъекту. В этом случае признаки специального субъекта являются взаимно исключающими: наличие субъективного признака, предусмотренного частью 3 статьи 359 УК РФ, исключает возможность квалификации по части 3 статьи 208 УК РФ, и наоборот¹.

Рассмотренное приводит нас к обозначению концепта наемнической деятельности, необходимого для верификации таковой при квалификации преступлений, совершенных в ходе вооруженного конфликта. Наемническая деятельность – это действия или совокупность действий, направленных на планирование, поиск, организацию, применение, контроль применения, материально-техническое и финансовое обеспечение или непосредственное выполнение функций лиц, действующих в целях получения материального вознаграждения, явно превышающего уровень денежного содержания военнослужащих, и не являющихся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных (боевых) действиях, не проживающих (не проживавших) постоянно на его территории, а также не являющихся лицами, направленными для исполнения официальных обязанностей (лицами, на которые официальные обязанности или полномочия наложены фиктивно или явно для сокрытия истинных намерений (целей) при выполнении профессиональных функций по участию в вооруженном (военном) конфликте (боевых действиях) на той стороне, которая осуществляет оплату его действий).

Список литературы

1. Аватков В. Контуры нового миропорядка и рост агрессивности Запада // Свободная мысль. 2022. № 4(1694). С. 21–26.
2. Балканов И.В., Старцун В.Н. Американские частные военные и охранные компании: косвенное участие и его последствия // Вестник военного права. 2017. № 4. С. 80–81.
3. Винокуров А.Ю., Окоча В.А. К вопросу о правовом регулировании деятельности частных военных охранных компаний // Вестник военного права. 2019. № 1. С. 7–14.

¹ Агапов П.В., Закомолдин Р.В. Ответственность за наемничество по уголовному законодательству России (по материалам судебной практики Донецкой и Луганской Народных Республик) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3(101). С. 34–42.

4. Кудашкин А.В., Холиков И.В. Правовое положение «военных добровольцев» в Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 11. С. 125–138.
5. Лопатина Т.М. Участник ЧВК – наемник или профессиональный военный // Военно-юридический журнал. 2024. № 1. С. 14–17.
6. Маликов С.В., Маликов Д.С. Понятие и содержание принципов «избирательность» и «соразмерность» при применении средств поражения в районах вооруженного конфликта // Государство и право. 2018. № 6. С. 59–72.
7. Модельный закон о противодействии наемничеству // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2006. № 37. С. 149–170.
8. Окоча В.А. Ответственность за наемничество в российском праве как фактор предупреждения незаконной деятельности частных военных и частных военных охранных компаний: теоретический обзор // Вестник военного права. 2024. № 4. С. 22–28.
9. Романовский Г.Б. «Новые» вооруженные конфликты в современном публичном праве // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9, № 4(36). С. 118–127.
10. Холиков И.В. Теоретико-правовая характеристика современных глобальных вызовов и угроз в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 547–555.
11. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 11(304). С. 30–38.
12. Юндина М.А. Анализ состава наемничества и его соотношение с понятием «военные преступления» // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5(168). С. 311–313.

Вадим Окоча.

Шемякин Евгений Александрович, аспирант Института международных отношений и социально-политических наук.

E-mail: evgenijsemakin754@gmail.com

РЕГУЛИРОВАНИЯ МАСС-МЕДИА В СТРАНАХ МАГРИБА ПОСЛЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Цепь событий в странах Северной Африки и Ближнего Востока в период декабря 2010 г. – февраля 2011 г. называют «арабской весной». Они связаны с массовым политическим протестом, который оказал серьезную угрозу политическим системам целого ряда стран и привел к смене власти в Тунисе, Египте и Ливии¹. Исследователи сразу обратили внимание на активное внешнее влияние и решающую роль медийной составляющей в развитии протестных акций: рост протеста имел прямую зависимость от медийного интереса к этому протесту и уровня доступа населения к Интернету, причем особую роль стали играть новые медиа².

С точки зрения влияния медиа на события «арабской весны», в исследовательской литературе можно выделить три фактора. Во-первых, волна «арабской весны» совпала по времени с интернет-бумом в Тунисе, Египте, Ливии, Бахрейне и других странах региона. Во-вторых, произошел рост количества гаджетов, подключенных к Интернету, и пользователей социальных сетей. В-третьих, увеличение в 2000-х гг. численности молодежи вообще и высокообразованной молодежи в особенности³. Сюда напрашивается и четвертый фактор: если до событий «арабской весны» доминирующими медиа были традиционные СМИ, и в первую очередь – телевидение, контроль которых со стороны государства обеспечивал самое массовое влияние в формировании общественного мнения, то теперь медиаполе стало более сложным и конкурентным, и «борьбу за умы и сердца» стали выигрывать интернет-СМИ и новые медиа.

События «арабской весны», которые продемонстрировали технологии медиа и воздействие внешних акторов на политические системы, привели к необходимости регулирования СМИ в новых реалиях. Угроза внешнего воздействия и влияния интернет-СМИ и социальных сетей дали определенный карт-бланш властям в вопросах такого регулирования.

Страны Магриба различаются по уровню доступа к технологиям и развития интернет-СМИ и новых медиа. Так, например, Алжир отличается крайне слабым проникновением и запоздалым развитием информационных технологий. Лишь небольшая часть населения может получать доступ к современным средствам информации и общения: только 18% алжирцев имеют регулярный доступ к Интернету⁴.

Мавритания представляет собой пример слабого развития Интернета и медиаландшафта. При этом и здесь активно работают несколько частных газет, телеканалов и радиостанций. Регулирование СМИ здесь, пожалуй, наименее развитое из всех стран Ма-

¹ Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: ПФОП, 2014. С. 297-312.

² Сухов Н.В. «Запоздалая весна» в Мавритании // Арабский мир после «арабской весны» / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, С. 229-236; Труевцев К.М., Исаев Л.М. Йемен: конец эпохи Салеха // Арабский мир после арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, 2013. С. 138-167; Шульц Э.Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «арабской весны» // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 1(40). С. 89-96; Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: ПФОП, 2014. С. 297-312.

³ Сухов Н.В. «Запоздалая весна» в Мавритании // Арабский мир после арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: Ленанд, 2013. С. 134.

⁴ Steckman L.M., Andrews M.J. Online around the World: A Geographic Encyclopedia of the Internet. Santa Barbara. 2017. P. 398.

гриба и сохраняет, как и в Ливии, наиболее репрессивные формы как с точки зрения законодательства, так и социально-политических табу.

В Ливии, в связи, по сути, с продолжающейся гражданской войной, большинство СМИ контролируются фракциями и вооруженными ополченцами или связаны с политическими программами (например, пролиберальными и происламскими партиями). Можно выделить проблемы новой реконструкции ливийских СМИ в трех пунктах:

- 1) отсутствие сильных структур;
- 2) отсутствие прозрачных моделей финансирования;
- 3) отсутствие нормативно-правовой базы, проливающей свет на ее хаотичное развитие. Новые правила еще не сформированы, доступ к интернет-СМИ и социальным сетям открытый, правящие силы пользуются возможностями блокировки интернет-ресурсов.

При этом страны Магриба имеют много общего в вопросе регулирования СМИ на современном этапе.

В странах Магриба произошла определенная либерализация рынка СМИ, которая привела к увеличению количества СМИ и форм их собственности. Следует отметить рост количества частных СМИ, особенно в области интернет-СМИ¹. Произошла некоторая либерализация законодательства, связанного с ответственностью СМИ, журналистов, их прав и обязанностей².

С другой стороны, произошло ужесточение законодательства по отношению к интернет-СМИ и новым медиа, которое позволяет блокировать их, если они посягают на государственную безопасность и нарушают требования общественного порядка, и, в том числе, позволяет наказывать поставщиков интернет-услуг (провайдеров, интернет-кафе и т.д.).

¹ Барабанова Н.М., Ахматшина Э.К., Гурушкин П.Ю., Юйтин Л. Политическая система и медиасфера Алжира: вызовы и перспективы в эпоху цифровизации // *Litera*. 2024. № 11. С. 140-149; Quintanilla J., & Dajani J. «Media and Revolution in Lybia». Tripodos. Blanquerna School of Communication and International Relations-URL, vol. 1, № 30, 2012. P. 57-81.

² Жерлицына Н.А., Васильев А.М. Эволюция СМИ в странах Северной Африки после кризиса «арабской весны» // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2019. № 1. С. 92; Benchenna A., Marchetti D. Writing between the «red lines»: Morocco's digital media landscape. Media, Culture and Society, SAGE Publications, 43 (4). 2021. P. 664-681.

Если систематизировать принципы регулирования СМИ в странах Магриба, то они включают в себя законодательное, общественное и неформальное регулирование.

В странах Магриба важной основой регулирования СМИ являются социальные и политические табу, которые ведут журналистов и СМИ к самоцензуре. Среди таких тем самоцензуры – вопросы религии, военной сферы и безопасности.

Власть часто прибегает к штрафам, и если же такой штраф остается неоплаченным, это может повлечь и тюремное заключение. Штрафы используются за нарушение того, что в Марокко, например, называют «красными линиями»¹. Сюда включаются: нетолерантность к мусульманской вере; национальному единству; клевета и оскорбления в адрес глав государств, членов королевских семей (в странах с монархиями), в том числе с уголовным преследованием.

В регулировании СМИ используется антитеррористическое законодательство.

Контроль над интернет-СМИ представлен в странах Магриба большим количеством инструментов: блокировка и фильтрация, привлечение к ответственности посредников – интернет-провайдеров, веб-мастеров и модераторов. Кроме того, применяются кибератаки на «неудобные ресурсы» и аресты онлайн-активистов.

Таким образом, угрозы повторения «арабской весны», проблемы сохранения суверенитета, с одной стороны, и принципы свободы СМИ, с другой стороны, вступают сегодня в противоречия, формируя достаточно сложный медийный ландшафт в странах Магриба. На данном этапе можно констатировать, что в целом политические системы в странах Магриба смогли создать работающие механизмы по регулированию СМИ, в первую очередь – интернет-СМИ и новых медиа, которые позволяют противостоять попыткам антигосударственного и антиобщественного давления. При этом созданные механизмы, безусловно, нарушают принципы свободы СМИ в принятом современном значении. Странам Магриба предстоит найти баланс между государственной информационной политикой и современными принципами регулирования СМИ. Предстоит повысить и информационную культуру местных обществ, принципы медиа грамотности, которые стали бы дополнительным защитным механизмом против информационной агрессии.

Список литературы

1. Барабанова Н.М., Ахматшина Э.К., Гурушкин П.Ю., Юйтин Л. Политическая система и медиасфера Алжира: вызовы и перспективы в эпоху цифровизации // *Litera*. 2024. № 11. С. 140–149.
2. Жерлицына Н.А., Васильев А.М. Эволюция СМИ в странах Северной Африки после кризиса «Арабской весны» // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2019. № 1. С. 81–95.
3. Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Египетская смута XXI века. М.: ЛИБРОКОМ. 2012. 107 с.
4. Коротаев А.В., Исаев Л.М., Шишкина А.Р. «Арабская весна» как квазисуперкритическое явление? // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 7.: Учитель. 2016. С. 127–156.
5. Сухов Н.В. «Запоздавшая весна» в Мавритании // *Арабский мир после арабской весны* / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД. 2013. С. 229–236.
6. Труевцев К.М., Исаев, Л.М. Йемен: конец эпохи Салеха // *Арабский мир после арабской весны* / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД. 2013. С. 138–167.
7. Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М.: ПФОП. 2014. С. 297–312.
8. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2014. № 19 (256). С. 46–54.

¹ Hidass A. Quand «l'exception» confirme la règle. L'encadrement juridique de la liberté de la presse écrite au Maroc. *L'Année du Maghreb*. 2016. № 15. P. 6.

9. Шульц Э.Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «Арабской весны» // Международные процессы. Т. 13. 2015. № 1(40). С. 89–96.
10. Benchenna A., Marchetti D. Writing between the «red lines»: Morocco's digital media landscape. *Media, Culture and Society*, SAGE Publications, 43(4). 2021. P. 664–681.
11. Dowson-Zeidan N.; Eaton T.; Wespieser, K. After the revolution: Libyan and Tunisian media through the people's eyes. Research Report Issue 6. BBC Media Action, London, UK. 2015. P. 63.
12. Hidass A. Quand «l'exception» confirme la règle. L'encadrement juridique de la liberté de la presse écrite au Maroc. *L'Année du Maghreb*. № 15. 2016. P. 29–44.
13. Quintanilla J., & Dajani J. «Media and Revolution in Lybia». *Tripodos. Blanquerna School of Communication and International Relations-URL*, vol. 1, no. 30. 2012. P. 57–81.
14. Steckman L.M., Andrews M.J. *Online around the World: A Geographic Encyclopedia of the Internet*. Santa Barbara. 2017. P. 398.

Евгений Шемякин.
Фото из сети Интернет.

Пряхин Юрий Владимирович, соискатель Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России.

E-mail: Y.V.Pryahin@mail.ru.

ОБНОВЛЕННАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ВОЕННЫХ РЕФОРМ 1855-1914 ГГ.

В середине XIX в. Российская империя значительно отставала от западноевропейских государств во всех областях государственной жизни, в том числе и в строительстве вооруженных сил. Все недостатки и пороки существующего социально-политического строя, отсталость военной организации и пороки воинского воспитания вскрыла Крымская война (1853–1856). Несмотря на высокий моральный дух русских воинов, массовый героизм защитников Севастополя, Россия потерпела поражение, которое являлось следствием слабости экономического и военного развития страны, просчетов политического руководства¹.

Перед вступившим на престол в 1856 г. Александром II встала нелегкая задача – переделать весь строй государственной и общественной жизни, обеспечить внешнюю и внутреннюю безопасность страны. Эту задачу можно было решить путем социальных и военных реформ. В 1856–1861 гг. при военном министре генерал-адъютанте Н.О. Сухожанете был ликвидирован один из столпов военно-полицейского диктата – Департамент военных поселений, отменен институт кантонистов, произошло сокращение срока службы солдат с 19 до 15 лет, отменены прежние законы об отдаче в солдаты за преступления и др. В 1862–1874 гг. под руководством военного министра генерал-адъютанта Д.А. Милютина были проведены военные реформы. Важнейшим направлением преобразований стала деятельность военного руководства по совершенствованию воинского воспитания военнослужащих².

Важным фактором воинского воспитания в новых условиях становятся обновленная законодательная база, усовершенствованная система органов военного управления и правоохранительных органов. Военные преобразования, либерализация общественной и армейской жизни способствовали развитию научно-исследовательской работы в области теории и практики укрепления воинской дисциплины, духовно-нравственного воспитания воинов.

Наибольшее влияние на воинское воспитание военнослужащих оказало принятие 1 января 1874 г. закона о призыве всех сословий на действительную воинскую службу. В сложившейся ситуации это была вынужденная мера. Новые принципы комплектования, значительное сокращение сроков службы нижних чинов изменили всю практику воспитания и обучения, формы и методы укрепления воинской дисциплины. Можно констатировать, что военным руководством при поддержке императора в период с 1856 г. до начала 80-х гг. XIX в. была проделана большая работа, в результате которой улучшилось состояние дисциплины в армии, была осуществлена перестройка всего процесса воинского воспитания.

Цель, задачи и содержание процесса воинского воспитания в исследуемый период реализовывалась на практике посредством функционирования сложной, разветвленной, относительно самостоятельной системы, которая представляла собой совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство административно-дисциплинарной и воспитательной деятельно-

¹ Толстой Л.Н. Проект о переформировании армии, написанный Львом Николаевичем Толстым в 1855 году // Собрание сочинений: в 22 т. М., 1983. Т.16. С. 399–400.

² Дневники Д.А. Милютин: в 4 т. М., 1947–1950. Т.2. С. 206.

сти на всех ее уровнях, начиная от первичного воинского коллектива в полку и заканчивая высшими государственными и военными органами¹.

Система воинского воспитания исследуемого периода начала формироваться в середине XIX в. и приняла оптимальный вид накануне Первой мировой войны. Она включала в себя следующие элементы: теоретическое обоснование сущности понятия «воинского воспитания», идеологическую основу воспитания военнослужащих; систему органов государственного и военного управления; формы и методы, объект и субъект воинского воспитания, законодательную, исполнительно-распорядительную, правоохранительную деятельность, духовно-нравственное и военно-профессиональное воспитание, формирование дисциплинированности у военнослужащих.

Особенностью духовного содержания работы по воинскому воспитанию в Русской армии исследуемого периода являлось тесное единство идей защиты религиозных, государственных и национальных интересов. *Государственной идеологией дореволюционной России являлась формула «Вера, Царь и Отечество»*. На этих же основах базировалось обучение и воспитание в русской армии. «Имя солдата носит на себе всякий, тот из верноподданных Государя, на могучих плечах коего лежит сладкая душе и сердцу обязанность защищать Веру и царский Трон и родной край», – отмечалось в выписке статей закона, которые доводились до молодых солдат при приведении их к присяге².

Стремление обеспечить надежность армии как одного из основных инструментов проведения своей политики заставляло самодержавное правительство предпринимать все меры для того, чтобы *верность престолу* лежала в идейной основе всех армейских явлений, в том числе и в работе по воинскому воспитанию³.

Важно подчеркнуть, что российского воина воспитывали не только как слугу и защитника царя, но и как *защитника веры*. Вера в бога и идея защиты церкви от посягательств иноверцев являлись могучим побудительным стимулом самоотверженности и героизма. Религиозность выступала важнейшей стороной нравственного облика российского воина. Стержневой основой процесса воинского воспитания в дореволюционной Российской армии являлось также развитие в военнослужащих чувства *патриотизма и готовности к достойному служению Отечеству*.

Таким образом, тесная взаимосвязь религиозных, государственных и национальных взглядов составляли духовную основу работы по воинскому воспитанию в русской армии второй половины XIX в. – начале XX в.

Анализ показывает, что в исследуемый период в деятельности должностных лиц по воинскому воспитанию военнослужащих использовалось три основных метода: метод принуждения, основанный на бессознательном страхе «перед произволом отдельного начальника»; метод принуждения, основанный на страхе «перед известным законом»; метод убеждения, основанный на нравственности и сознательном отношении к своему воинскому долгу⁴. Однако, рукоприкладство еще долгое время не исчезало из обихода отношений офицеров с подчиненными. Оно сохранялось негласно, как традиция, которая редко преследовалась со стороны органов государственного и военного управления.

¹ Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 502.

² Выписка статей закона, которые должны читаться перед строем при приводе молодых солдат к присяге // Что нужно знать всякому присягающему на верность службе. СПб., б.г. С. 8.

³ Свод Законов Российской Империи: Свод основных государственных законов. СПб., 1906. Т.1. Ч.1. С. 4–5.

⁴ Попов А. Понятие о воинской дисциплине // Военный сборник. 1924. Кн. 5. С. 148.

Сторонниками этого способа наведения порядка в войсках в исследуемый период были генералы и офицеры – противники всего нового и прогрессивного. Вопреки закреплённым в уставах прогрессивным принципам воспитания, они по-прежнему исходили из того, что дисциплина в армии должна держаться на страхе наказания, а основными формами ее укрепления считали постановку под ружье, карцер, телесные наказания и т.д.¹. Лишь после 1904 г., когда телесные наказания в войсках были отменены окончательно, рукоприкладство стало постепенно отмирать².

Важнейшим методом воинского воспитания в армии становится метод убеждения. Воинскую дисциплину начинают укреплять посредством нравственного воспитания военнослужащих, формирования осознанного отношения к выполнению своего служебного долга. По мнению известного военного педагога, автора «Курса военно-прикладной педагогики» Д.Н. Трескина: «Новые военные законы, изданные после Севастопольской войны, в основу дисциплины ставят не суровость наказаний, а нравственное воспитание солдата»³.

В высшем руководстве страны и армии постепенно возобладало мнение, что телесные наказания, а тем более незаконные, являются не поддержанием дисциплины, а наоборот, представляют собой «в высшей степени расслабляющий ее элемент». Необходимость нравственного воспитания была признана «в массе начальствующих лиц и стала быстро распространяться по окончании последней русско-турецкой войны, когда во главе нашей армии появились даровитые руководители»⁴. Сторонниками прогрессивных методов воинского воспитания в тот период были М.С. Галкин, Н.П. Бирюков, М.Д. Бонч-Бруевич, П.И. Измestьев, Д.П. Пармский, В.Л. Райковский, А.П. Скугаревский, Д.Н. Трескин, С. Гершельман, М.В. Грулев, И.Г. Энгельман, А.И. Деникин и др.

Таким образом, в исследуемый период формы и методы воинского воспитания постоянно претерпевали изменения – «палочная дисциплина» постепенно уходила в прошлое и заменялась дисциплиной, основанной на правосознании и нравственности.

В рамках исследования интерес представляет анализ *основных объектов и субъектов воинского воспитания*. К первым мы относим нижние чины и офицеров, а ко вторым – командиров и начальников.

Основной груз по воинскому воспитанию в русской армии второй половины XIX в. – начала XX в. ложился на плечи *офицеров*. Во второй половине XIX в. численность офицерского корпуса составляла до 30–40 тыс. чел. К началу 1908 г. количество офицеров практически не изменилась и равнялось 44 800 чел. (1 300 генералов, 7 811 штаб-офицеров и 35 689 обер-офицеров)⁵.

Что же представляло собой офицерское сословие в исследуемый период как объект и субъект воинской дисциплины?

До середины XIX в. офицерский корпус формировался в основном за счет дворянского сословия. Впоследствии, в связи с отменой сословных ограничений, в него влились представители разночинцев. Перед Первой мировой войной российское кадровое офи-

¹ Драгомиров М.И. Армейские заметки // Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. 1856-1880 гг. СПб., 1881. Т. II. С. 33.

² Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 345–347.

³ Трескин Д.Н. Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформ русского военного дела. Киев, 1909. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Волков С. Российское офицерство как служивое сословие // Российский военный сборник. М.: ВУ, 2000. Вып. 17. С. 521.

цество было, по своему происхождению всесловным. К 1912 г. социальный состав офицеров армии был следующим: 53,6% офицеров (в пехоте – 44,3%) происходили из дворян, 25,7% – из мещан и крестьян, 13,6% – из почетных граждан, 3,6% – из духовенства и 3,5% – из купцов¹. Распространенным типом офицера в этот период был потомственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носящий погоны с десятилетнего возраста, пришедший в училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности Престолу и Отечеству².

Система подготовки офицеров в России вполне отвечала требованиям времени, в результате чего вплоть до революции отношение к офицерам в русском обществе (хотя и пошатнувшееся в конце XIX в.) оставалось достаточно почетным, а качественный состав офицерского корпуса поддерживался на уровне, не уступающем уровню других профессиональных групп, образующих в совокупности культуросообразный слой страны.

Как показало исследование, во второй половине XIX – начале XX вв. имела место тенденция к снижению престижности офицерской службы. Сказывалось недостаточное материально-бытовое и финансовое обеспечение офицерского корпуса. Так, подпоручик Российской армии на рубеже XIX – XX вв. получал всего 600 рублей в год, т.е. значительно меньше зарплаты квалифицированного рабочего (3 рубля в день). Командир роты получал 1200, а командир батальона – 1740 рублей в год³. Бедственное финансовое положение среднего офицерского состава оказывало негативное влияние на нравственный климат в офицерской среде, на отношение офицеров к службе, обучение и воспитание подчиненных, уровень боевой готовности войск, состояние воинской дисциплины.

Таким образом, как показывает исследование, во второй половине XIX – начале XX вв. офицерам отводилась решающая роль в системе воинского воспитания. Вместе с тем, осуществление этого замысла государственного и военного руководства тормозилось наличием негативных тенденций, снижающих эффективность офицерской работы.

К ним можно отнести: падение престижа офицерской службы; снижение интеллектуального, нравственного и делового уровней офицеров; тяжелые материальные условия офицеров; безнаказанность высших начальников; пьянство среди офицеров; старение офицерского корпуса; неравенство требований к дисциплине к младшим офицерам и генералам; отсутствие у многих высших руководителей хорошего строевого опыта, помогающего впоследствии командирам удерживать должное состояние дисциплины и порядка и т.д.

Результатом влияния негативных тенденций стало то обстоятельство, что отток офицеров из армии стабильно превышал ее пополнение. Это приводило к постоянному некомплекту офицеров. Подсчеты, проведенные А. Геруа, показали, что только в кавалерийских частях за период 1896–1906 гг. прибыло на службу 2526 выпускников училищ, а ушло 1169 (43,5 %), причем основная масса покинула именно строевые части⁴.

Важное место в системе воинского воспитания военнотружущих занимал *унтер-офицерский корпус*. Подготовить грамотных, дисциплинированных и требовательных

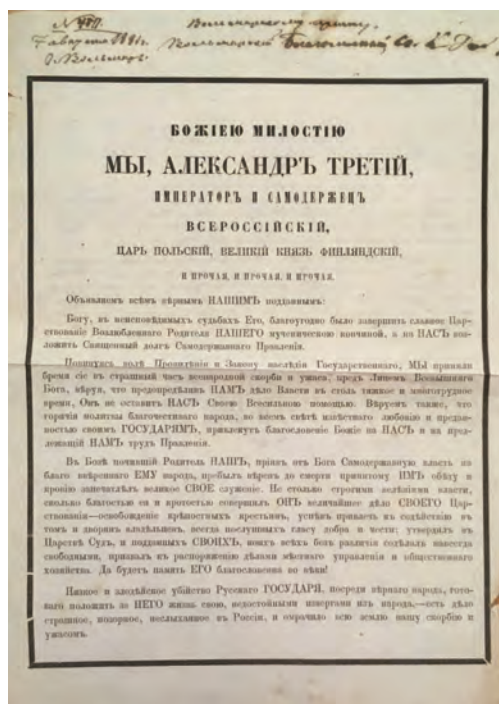

¹ Трескин Д.Н. Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформ русского военного дела. Киев, 1909. С. 521.

² Трескин Д.Н. Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформ русского военного дела. Киев, 1909. С. 522.

³ Смирнов А.А. Морально-психологическое обеспечение деятельности российской армии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 35.

⁴ Геруа А. К познанию армии. СПб., 1907. С. 37.

унтер-офицеров, фейерверкеров и вахмистров, по мнению руководства Военного ведомства, означало во многом решить сложные задачи обучения и воспитания солдат армии. «Моя многолетняя практика показывает, – писал А.Ф. Редигер, – что унтер-офицер должен быть учителем солдата, следовательно, сам должен твердо знать элементарные сведения о службе, оружии, которые должен преподавать – он должен быть первым солдатом... без хороших унтер-офицеров мы получим армию без учителей, и можно опасаться, что увеличение численности армии будет сделано в ущерб ее качеству»¹.

Руководство Военного ведомства, заинтересованное в сильных и хорошо подготовленных унтер-офицерах, требовало от войсковых командиров обратить должное внимание на подбор младших командиров и комплектование ими частей². В результате принятых мер в конце XIX в. в войсках имелось около 10 тыс. унтер-офицеров сверх-

срочной службы.

В войсках унтер-офицеры несли основную ношу в одиночном обучении солдата, а также в его воспитании, привитии навыков службы и дисциплины. Поэтому они играли в армии главную роль в формировании новобранца и превращении его в солдата. Устав внутренней службы определял статус унтер-офицера следующим образом: «При нынешнем развитии стрелкового боя взводные унтер-офицеры, отделенные начальники, должны быть действительными начальниками подчиненных им нижних чинов»³. Там же довольно подробно и основательно были расписаны обязанности отделенного начальника, взводного унтер-офицера и фельдфебеля. Воинские уставы предоставляли значительные дисциплинарные полномочия унтер-офицерам. В частности, фельдфебель мог подвергать солдата аресту сроком на одни сутки.

Самым многочисленным объектом воинского воспитания в исследуемый период являлись нижние чины. Именно они, в первую очередь, определяли состояние дисциплины в войсках. Военные реформы второй половины XIX – начала XX вв. привели к сокращению срока действительной службы по призыву, отмене телесных наказаний, изменили психологию простого солдата, предъявили более высокие требования к его военной подготовке и дисциплинированности.

Функционирование системы воинского воспитания в 1855–1914 гг. обеспечивалось деятельностью государственных и военных органов. Всесторонний анализ показывает, что в исследуемый период сложилась стройная система органов, которые во взаимодействии друг с другом обеспечивали профессиональное воспитание, законность, правопорядок и духовно-нравственное воспитание в войсках. К ним относились:

- военные органы управления, осуществляющие административно-распорядительную и воспитательную деятельность. Была создана строгая иерархическая структура, определившая круг обязанностей и ответственность должностных лиц за состояние воинского воспитания от министра военного ведомства до командира отделения;

¹ Геруа А. К познанию армии. СПб., 1907. С. 37.

² Там же.

³ Устав внутренней службы в пехотных войсках // Военный сборник. 1887. № 10. С. 98.

- правоохранительные органы, основной целью которых было обеспечение законности, правопорядка и правосудия в войсках. Они включали в себя: военные суды (полковые, военно-окружные, главные), военную прокуратуру, военную полицию и военно-исправительные учреждения;
- военно-правовые органы, главной функцией которых являлась разработка законодательных актов, в том числе уголовного и дисциплинарного характера;
- органы военного духовенства, непосредственно ведавшие вопросами религиозно-нравственного воспитания.

Анализ влияния государственного руководства и военного командования на процесс воинского воспитания показывает, что в исследуемый период характер и содержание этой деятельности определялся с одной стороны реальными событиями в стране и дисциплинарными проблемами войск, а с другой – субъективными факторами: политикой самодержавия, личными взглядами царей, царского окружения и в меньшей степени руководителей военных ведомств.

После убийства 1 марта 1881 г. Александра II его преемник Александр III подписал 29 апреля 1881 г. «Манифест о незыблемости самодержавия», который означал переход к реакционному курсу во внутренней политике. 80-е гг. и начало 90-х гг. XIX в. характеризовались проведением контрреформ, воинствующим шовинизмом, значительным ростом административного произвола. Новый царь выражал интересы наиболее консервативных кругов дворянства¹.

Общая направленность деятельности Военного министерства претерпевает изменение. Проводятся мероприятия, противоположные тем, которые осуществлялись ранее. Так, обучение солдат грамоте прекращается, и этот вид деятельности объявляется необязательным и даже вредным. В 1882 г. правительство восстанавливает кадетские корпуса как закрытые военные учебные заведения. В военных учебных заведениях сокращается курс общественных наук, уменьшаются льготы вольноопределяющимся, увеличиваются сроки службы для лиц, пользующихся льготами по образованию (1886), вводится воинская повинность на Кавказе и в Семиреченской области. Вводятся «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», которые законодательно разрешают и поощряют дуэли в офицерской среде.

Со второй половины 90-х годов XIX в. усиливаются черты плац-парадности в обучении войск, происходит усиление полицейских функций армии. Именно в конце XIX – начале XX вв. участие войск в подавлении народных выступлений приобретает массовый характер.

По мнению автора, негативное влияние на воинское воспитание в армии оказывает в этот период, как сам император, так и члены царской фамилии, занимавшие почти все ключевые позиции в высшем военном управлении. Именно они определяли подбор высших командных кадров и в какой-то мере состав офицерского корпуса, что отрицательно сказывалось на качестве генералитета, на его умении обеспечивать в войсках порядок и организованность, поднимать моральных дух воинства.

К положительным делам этого периода следует отнести улучшение быта войск и материального положения офицеров, особенно младших строевых офицеров, совершенствование Дисциплинарного устава (1888), увеличение контингента обучающихся в военных училищах.

После смерти Александра III в конце 1894 г. и вступления на престол Николая II правительственный курс в отношении армии остается в основном прежним. В 1898 г. новый император Николай II назначает на пост военного министра боевого генерала «наследника скобелевской славы» А.Н. Куропаткина, который поднимал много проблем, связанных непосредственно с воинским воспитанием в армии. Он заботился об образовании русских офицеров (расширены юнкерские училища и кадетские корпуса), об омоложении командного состава, о повышении денежного содержания офицерам (сохранились с

¹ Зайончковский П.А. Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8.

1859 г.), об улучшении бытовых условий солдат, выступал против привлечения армии к подавлению волнений среди рабочих.

Вместе с тем, как показывает исследование, А.Н. Куропаткин на посту военного министра в силу субъективных и объективных причин не справился с задачей воинского воспитания военнослужащих и подготовки армии к войне. Административным стилем А.Н. Куропаткина был энергичный и мелочный контроль, не допускавший инициативы у подчиненных и доходивший до проверки караулов. К сожалению, это было «не в одном из военных округов», а во всех, кроме Киевского и Варшавского, где командующими войсками были генералы М.И. Драгомиров и И.В. Гурко.

Наименее благополучной частью командного состава были *командующие войсками военных округов*. Назначение на эту должность определялось далеко не военными способностями, а в большинстве случаев личными симпатиями царя и его окружения. Так в 80-е и 90-е гг. XIX в. командующими войсками Московского военного округа были поочередно старцы А.И. Бреверн де Лягарди и А.С. Костанда, по своей дряхлости уже не способные ни к какому руководству войсками. В 1901 г. командующим войсками Варшавского военного округа, округа, самого ответственного в военном отношении, был назначен старец генерал М.И. Чертков, который в течение последних 20 лет находился не у дел и проживал в своем имении¹.

Таким образом, на рубеже XIX – начала XX вв. благодаря реакционной политике царского самодержавия и нежелания высшего военного руководства этому сопротивляться, в системе воинского воспитания наметился ряд негативных тенденций, снижавших ее эффективность, что стало одной из причин поражения России в Русско-японской войне (1904–1905 гг.).

Поражение России в русско-японской войне, начавшаяся Первая русская революция потребовали внесения существенных корректировок в теорию и практику военного строительства. Неслучайно именно в этот период Николай II пошел на военные преобразования, вошедшие в историю как военная реформа 1905–1912 гг. В 1905 г. военным министром был назначен А.Ф. Редигер – генерал от инфантерии, один из инициаторов реформирования армии после Русско-японской войны.

Под влиянием ситуации Военному министерству при поддержке царя удалось провести ряд полезных дел, касающихся наведения порядка и дисциплины в армии. Первостепенными среди них стали увольнение солдат, призванных из запаса к началу 1906 г. и улучшение быта нижних чинов; усиление полиции; сокращение сроков действительной службы до 3 лет в пехоте и артиллерии и до 4 лет в остальных войсках. Увеличено было солдатское жалование и приварочный оклад, введено снабжение одеялами, постельным бельем и т. д.².

Принятые меры сыграли важную роль в воинском воспитании и укреплении воинской дисциплины в армии: прекратились брожения в солдатской среде, улучшилась управляемость войсками.

Вместе с тем, в этот период отрицательно сказалось на «дисциплине в верхах» образование Совета Государственной обороны и выведение Генерального штаба из подчинения Военному министерству³. Восстановление единства военного управления с передачей его всецело в руки военного министра произошло в 1909 г. К этому времени пост военного министра занял В.А. Сухомлинов, который продолжил преобразования, начатые в 1905⁴. Многие из них сыграли важную роль в воинском воспитании военнослужащих, организованности и порядка в войсках.

¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. М., 1973.

² Редигер А.Ф. История моей жизни // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 58.

³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 29. Л. 6-7.

⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары / под общ. ред. А.М. Лукашевича. Минск: Харвест, 2005. С. 32.

Во-первых, был введен ряд новых воинских законодательных актов: Устав внутренней службы (1910), Устав дисциплинарный (1912), Устав о воинской повинности (1912), Положение о полевом управлении войск (1914) и др.

Во-вторых, с введением «Положения об обучении пехоты», объявленного приказом по военному ведомству № 619 от 30 декабря 1911 г., окончательно сложилась новая система обучения личного состава. Вопросы воинского воспитания и привития дисциплины были признаны одними из наиболее важных в деятельности командиров и начальников. При этом впервые в руководящих документах четко определялись задачи воспитания и средства их достижения.

В-третьих, повысились качество подготовки офицерского состава. В результате реформы военных и юнкерских училищ складывается новая единообразная система подготовки офицерских кадров, а офицерский корпус стал пополняться офицерами только с законченным средним образованием и с единой военной подготовкой.

В-четвертых, улучшилось материальное положение офицеров, военных пенсионеров (в 1912 г. введен новый устав о пенсиях). Омоложению офицерского состава способствовало восстановление в 1910 г. Закона о предельном возрасте службы.

В-пятых, улучшение довольствия войск и реорганизация интендантской службы позволили освободить командиров и штабы от чрезмерных хозяйственных забот, вернуть в строй значительную часть нижних чинов. Впервые со времен Петра I русская армия смогла отказаться от производства вольных работ, вызванных недостаточностью обеспечения ее рядового состава.

И, наконец, впервые вводится единая система допризывной подготовки молодежи к службе в армии.

Принятые в 1905-1912 гг. меры способствовали наведению порядка и организованности в войсках накануне Первой мировой войны.

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Проект о переформировании армии, написанный Львом Николаевичем Толстым в 1855 году // Собрание сочинений: в 22 т. М., 1983. Т. 16.
2. Дневники Д.А. Милютин: в 4 т. М., 1947–1950. Т.2.
3. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998.
4. Драгомиров М.И. Учебник тактики. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1879.
5. Выписка статей закона, которые должны читаться перед строем при приводе молодых солдат к присяге // Что нужно знать всякому присягающему на верность службе. СПб., б.г.
6. Свод Законов Российской Империи: Свод основных государственных законов. СПб., 1906. Т.1. Ч.1.
7. Попов А. Понятие о воинской дисциплине // Военный сборник. 1924. Кн. 5. С.148.
8. Драгомиров М.И. Армейские заметки // Сборник оригинальных и переводных статей М.Драгомирова. 1856–1880 гг. СПб., 1881. Т.П.
9. Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М.: Айрис-пресс, 2005.
10. Трескин Д.Н. Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформ русского военного дела. Киев, 1909.
11. Волков С. Российское офицерство как служивое сословие // Российский военный сборник. М.: ВУ. 2000. Вып.17.
12. Смирнов А.А. Морально-психологическое обеспечение деятельности российской армии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
13. Геруа А. К познанию армии. СПб., 1907.
14. Устав внутренней службы в пехотных войсках // Военный сборник. 1887. № 10.
15. Зайончковский П.А. Александр III и его ближайшее окружение // Вопросы истории. 1966. № 8.

16. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. М., 1973.
17. Редигер А.Ф. История моей жизни // Военно-исторический журнал. 1991. № 1.
18. ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 29. Л. 6-7.
19. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары / под общ. ред. А.М. Лукашевича. Минск.: Харвест, 2005.

Юрий Пряхин.
Фото из сети Интернет.

КАК ПРОВЕСТИ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ И КОМБАТАНТАМИ?

Руководство МККК по толкованию понятия «непосредственное участие в военных действиях» в свете международного гуманитарного права

(Окончание. Начало в № 1 за 2025 г.)

II. Понятие гражданского лица в немеждународном вооруженном конфликте

Для целей принципа проведения различия в немеждународном вооруженном конфликте все лица, не принадлежащие к личному составу вооруженных сил и не являющиеся участниками организованных вооруженных групп стороны в конфликте, считаются гражданскими лицами и, следовательно, пользуются защитой от непосредственного нападения, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях. В немеждународном вооруженном конфликте организованные вооруженные группы составляют вооруженные силы негосударственной стороны в конфликте и включают в себя только лиц, чьей постоянной функцией является непосредственное участие в военных действиях («постоянные боевые функции»).

1. Взаимоисключающий характер понятий «гражданское лицо», «вооруженные силы» и «организованные вооруженные группы»

а) Отсутствие четких определений в договорном праве

Договорное МГП, регламентирующее немеждународный вооруженный конфликт, использует термины «гражданское лицо», «вооруженные силы» и «организованные вооруженные группы», но не дает четких определений этих понятий. Поэтому последние должны толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать этим терминам в их контексте, а также в свете объекта и целей МГП¹.

¹ Ст. 31 [1] Венской конвенции о праве международных договоров.

В то время как общепризнано, что лица из состава государственных вооруженных сил в немеждународном вооруженном конфликте не могут быть квалифицированы как гражданские лица, договорное право, практика государств и международная юриспруденция не дают однозначного ответа на вопрос о том, относимо ли это также к участникам организованных вооруженных групп (то есть вооруженных сил негосударственных сторон в вооруженном конфликте)¹. Поскольку организованные вооруженные группы, как правило, не могут быть квалифицированы по внутригосударственному законодательству как регулярные вооруженные силы, может появиться соблазн сделать вывод о том, что принадлежность к таким группам просто выступает как постоянная форма непосредственного участия гражданских лиц в военных действиях. Соответственно участники организованных вооруженных групп стали бы рассматриваться как гражданские лица, которые, ввиду их постоянного непосредственного участия в военных действиях, утрачивают защиту от прямого нападения на весь период их членства в этих группах. Однако такой подход подорвал бы концептуальную целостность категорий лиц, лежащую в основе принципа проведения различия, прежде всего потому, что это создало бы стороны в немеждународных вооруженных конфликтах, весь личный состав вооруженных сил которых оставался бы частью гражданского населения. Для целей принципа проведения различия в немеждународном вооруженном конфликте все лица, не принадлежащие к личному составу вооруженных сил и не являющиеся участниками организованных вооруженных групп стороны в конфликте, считаются гражданскими лицами и, следовательно, пользуются защитой от непосредственного нападения, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях. В немеждународном вооруженном конфликте организованные вооруженные группы составляют вооруженные силы негосударственной стороны в конфликте и включают в себя только лиц, чьей постоянной функцией является непосредственное участие в военных действиях («постоянные боевые функции»)². Из

¹ Обычное международное гуманитарное право. Том I: Нормы. МККК, 2006, № 7. С. 19.

² Об опасности распространения понятия непосредственного участия в военных действиях за пределы конкретных действий см. также раздел IV.2. В ходе встреч экспертов подход, основанный на постоянном участии в военных действиях, был подвергнут критике как размывающий различие, установленное МГП, между утратой защиты, основанной на поведении (гражданские

самой формулировки и логики статьи 3 ЖК I–IV и Дополнительного протокола II (ДП II), гражданские лица, вооруженные силы и организованные вооруженные группы сторон в конфликте являются взаимоисключающими категориями и в немеждународном вооруженном конфликте.

б) Статья 3, общая для всех Женевских конвенций

Хотя и принято считать, что статья 3 ЖК I–IV не регулирует ведение военных действий, ее формулировка позволяет сделать ряд выводов относительно принципиально проводимого различия между вооруженными силами и гражданским населением в немеждународном вооруженном конфликте. Отметим, прежде всего, что согласно статье 3 ЖК I–IV, «каждая из находящихся в конфликте сторон» должна обеспечить защиту «лицам, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил, которые сложили оружие, а также тех, которые перестали принимать участие в военных действиях»¹. Таким образом, и государства, и негосударственные образования, являющиеся сторонами в конфликте, имеют вооруженные силы, отличные от гражданского населения². Приведенный отрывок ясно показывает также, что лица из состава таких вооруженных сил в отличие от других лиц считаются «не принимающими активного участия в военных действиях», когда они прекращают выполнять свои боевые функции («сложили оружие») или вышли из строя – одной приостановки участия в боевых действиях недостаточно. Статья 3 ЖК I–IV подразумевает

лица) или на статусе и функции (лица из состава вооруженных сил или участники организованных вооруженных групп). См. Background Doc. DPH 2004, p. 36; Background Doc. DPH 2005, WS IV–V, p. 10; Report DPH 2005, p. 44, 48, 50. См. также отчет о дискуссиях в Report DPH 2006, p. 20; Report DPH 2008, p. 46.

¹ Ст. 3 ЖК I–IV.

² Комментарий к ЖК III, p. 37, утверждает: «Вообще говоря, следует признать, что конфликты, о которых идет речь в статье 3, являются вооруженными конфликтами, в которых «военные действия» и с той, и с другой стороны ведутся «вооруженными силами». Короче говоря, это конфликты, во многих отношениях схожие с межгосударственной войной [...]».

понятие гражданских лиц, включающее тех лиц, которые «не сражаются с оружием в руках» за одну из сторон в конфликте¹.

в) Дополнительный протокол II

Хотя Дополнительный протокол II² имеет значительно более узкую сферу применения и использует термины, отличные от тех, которые употреблены в статье 3 ЖК I–IV, общая категоризация лиц одинакова в обоих документах³. На Дипломатической конференции 1974–1977 гг. в проекте статьи 25 [1] ДП II гражданское лицо было определено как «любое лицо, не принадлежащее к личному составу вооруженных сил и не являющееся участником организованной вооруженной группы»⁴. Хотя эта статья была отвергнута вместе с большинством других положений, касающихся ведения военных действий, в результате усилий по «упрощению» Протокола, предпринятых на последней стадии переговоров, окончательная редакция его текста все же отражает понимание гражданского лица, содержавшееся в исходном предложении. Согласно Протоколу, «вооруженные силы», «антиправительственные вооруженные силы» и «другие организованные вооруженные группы» способны «осуществлять непрерывные и согласованные военные действия»⁵ и предназначены для этого, в то время как «гражданское население и отдельные

¹ Согласно Pictet (ed.), Commentary on the Fourth Geneva Convention Relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War (Комментарий к Женевской конвенции IV о защите гражданского населения во время войны) (Geneva: ICRC, 1958), р. 40: «Статья 3 имеет чрезвычайно широкую сферу применения и охватывает как лиц из состава вооруженных сил, так и лиц, не участвующих в военных действиях. Однако в этом случае она применяется прежде всего к гражданским лицам, то есть к лицам, которые «не служат в вооруженных силах».

² 164 государства-участника по состоянию на 1 ноября 2008 г.

³ О высоком пороге применения Дополнительного протокола II см. ст. 1 [1] ДП II.

⁴ Проект статьи 25 [1] AP II был принят консенсусом Третьим комитетом 4 апреля 1975 г. (O.R., Vol. XV, p. 320, CDDH/215/Rev.1). См. также ICRC's Commentary (October 1973) on the original version of Art. 25 [1] of the Draft of AP II submitted to the Diplomatic Conference of 1974 to 1977: «[...] как гражданские лица рассматриваются все лица, находящиеся на территории Договаривающейся стороны, где имеет место вооруженный конфликт по смыслу статьи 1, не принадлежащие к личному составу вооруженных сил и не являющиеся участниками вооруженных групп».

⁵ Ст. 1 [1] ДП II.

гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными операциями», осуществляемыми этими силами, «за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях»¹.

г) Согласование терминологии

В Дополнительном протоколе II термин «вооруженные силы» употребляется только по отношению к государственным вооруженным силам, в то время как вооруженные силы негосударственных сторон в конфликте обозначаются терминами «антиправительственные вооруженные силы» и «другие организованные вооруженные группы». С другой стороны, понятие «вооруженные силы» в статье 3 ЖК I–IV включает в себя все три категории, сопоставляемые в статье 1 [1] ДП II, а именно вооруженные силы государства, антиправительственные вооруженные силы и другие организованные вооруженные группы. Таким образом, аналогично ситуациям международного вооруженного конфликта рамки понятия гражданского лица в немеждународном вооруженном конфликте задаются через отрицание посредством определения «вооруженных сил» (ст. 3 ЖК I–IV) или, в терминологии Дополнительного протокола II, «вооруженных сил» государства, «антиправительственных вооруженных сил» и «других организованных вооруженных групп»². Для целей настоящего Руководства по толкованию вооруженные силы государств, являющихся сторонами в немеждународном вооруженном конфликте, именуются «государственными вооруженными силами», а вооруженные силы негосударственных сторон в конфликте обозначаются как «организованные вооруженные силы»³. Если не указано иначе, понятие «организованные вооруженные группы» включает в себя как «антиправительственные вооруженные силы», так и «другие организованные вооруженные группы» (ст. 1[1] ДП II).

2. Государственные вооруженные силы

а) Базовое понятие

Нет оснований предполагать, что государства-участники обоих Дополнительных протоколов желали иметь разные определения государственных вооруженных сил для ситуаций международного и немеждународного вооруженного конфликта. Согласно подготовительным материалам (*travaux préparatoires*) к Дополнительному протоколу II, понятие вооруженных сил Высокой Договаривающейся Стороны в статье 1 [1] ДП II мыслилось достаточно широким, чтобы охватить вооруженных акторов, которые не обязательно могут быть квалифицированы как вооруженные силы по внутреннему законодательству, таких, например, как национальная гвардия, таможня и полицейские силы, при условии, что они фактически выполняют функции вооруженных сил⁴. Таким образом,

¹ Ст. 13 [1] и [3] ДП II. В пользу такого толкования говорят и контексты, в которых в Протоколе упоминаются «гражданские лица» (ст. 13, 14, 17 ДП II) и «гражданское население» (заглавие Части IV ДП II; ст. 5 [1] (b) и (e), 13, 14, 15, 17 и 18 ДП II).

² То же толкование в ICTY, *Prosecutor v. Martić*, Case No. IT-95-11-A, Judgment of 8 October 2008, § 300–302. Эта точка зрения преобладала и на встречах экспертов (см. Report DPH 2005, p. 43; Report DPH 2006, p. 20; Report DPH 2008, p. 46.).

³ Отметим, что понятие «организованные вооруженные группы» используется в МГП, регламентирующем международные вооруженные конфликты, для обозначения организованных вооруженных акторов, иных, нежели регулярные вооруженные силы, действующих под командованием, ответственным перед стороной в конфликте, и рассматриваемых, следовательно, как составная часть вооруженных сил этой стороны (ст. 43 [1] ДП I, см. выше раздел I).

⁴ «Термин «вооруженные силы» Высокой Договаривающейся Стороны» следует понимать в самом широком смысле. В самом деле, ему при выборе было отдано предпочтение перед другими предлагаемыми терминами, такими, например, как «регулярные вооруженные силы», чтобы охватить все вооруженные силы, в том числе и те, которые не включены в определение армии в национальном законодательстве некоторых государств (национальная гвардия, таможня, полицейские силы или любые другие аналогичные силы)». referring to O.R., Vol. X, p. 94, CDDH/I/238/

государственные вооруженные силы по Дополнительному протоколу II сравнимы с понятием вооруженных сил в Дополнительном протоколе I и включают в себя и регулярные вооруженные силы и другие организованные вооруженные группы или подразделения, находящиеся под командованием, ответственным перед государством¹.

б) Определение принадлежности

По крайней мере в том, что касается регулярных вооруженных сил, принадлежность к личному составу вооруженных сил государства, как правило, определяется внутренним законодательством и выражается в официальном зачислении в постоянно существующие части, отличимые по обмундированию, эмблемам и снаряжению. То же самое относится к вооруженным подразделениям полиции, пограничной службы или другим аналогичным силам, носящим форму, когда они включаются в состав вооруженных сил. Лица из состава регулярных сил не являются гражданскими лицами, независимо от их индивидуального поведения и выполняемых ими функций в рамках вооруженных сил. Для целей принципа проведения различия принадлежность к регулярным вооруженным силам государства прекращается и защита, полагающаяся гражданским лицам, восстанавливается, когда военнослужащий оставляет действительную службу и возвращается к гражданской жизни в результате полной демобилизации или перевода в запас. Так же как и в случае международного вооруженного конфликта, принадлежность к нерегулярным вооруженным силам государства, таким, как ополчение, добровольческие отряды или военизированные группы, как правило, не регулируется внутренним законодательством и может быть достоверно установлена на основе функциональных критериев, идентичных тем, которые применяются к организованным вооруженным группам негосударственных сторон в конфликте.

3. Организованные вооруженные группы

а) Базовое понятие

Организованные вооруженные группы, принадлежащие негосударственной стороне в вооруженном конфликте, включают в себя как антиправительственные вооруженные силы, так и другие организованные вооруженные группы. Антиправительственные вооруженные силы в сущности являются частью государственных вооруженных сил, которая восстала против правительства. Другие организованные вооруженные группы рекрутируют своих членов в основном среди гражданского населения, но достигают уровня военной организации, достаточного для того, чтобы вести боевые действия за одну из сторон в конфликте, хотя и не всегда теми же средствами, с такими же интенсивностью и умением, что и государственные вооруженные силы.

В обоих случаях для защиты гражданского населения принципиально важно отличать негосударственную сторону в конфликте (например, повстанцев или движение за отделение) от ее вооруженных сил (то есть организованных вооруженных групп)². Как и в случае государств-сторон в вооруженных конфликтах, негосударственные стороны

Rev.1. О возможной квалификации полицейских сил как части вооруженных сил см. также отчет о дискуссии в Report DPH 2005, p. 11; Report DPH 2006, p. 43, 52; Report DPH 2008, p. 54, 64, 68.

¹ Согласно Bothe et al., *New Rules for Victims of Armed Conflicts: Commentary on the Two 1977 Protocols Additional to the Geneva Conventions of 1949* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1982), p. 672, термины «организованные» и «под ответственным командованием» в ст. 1 [1] ДП II «по логике вещей [...] означают признание соблюдения основных условий, предписанных статьей 43 Протокола I: связь вооруженных сил с одной из сторон в конфликте; их организованный характер; нахождение под ответственным командованием».

² Хотя в статье 1 ДП II говорится о вооруженном конфликте «между» государственными вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, фактически сторонами в таком конфликте являются Высокая Договаривающаяся Сторона и противостоящая ей негосударственная сторона, а не их вооруженные силы.

включают в себя силы боевого назначения и поддерживающие их сегменты гражданского населения, такие, например, как политическая и гуманитарная составляющие. При этом термин «организованная вооруженная группа» относится исключительно к вооруженному или военному крылу негосударственной стороны в конфликте, то есть к ее вооруженным силам в функциональном смысле этого слова. Данное различие имеет серьезные последствия для определения участия в организованной вооруженной группе в отличие от других форм принадлежности к негосударственной стороне в конфликте и ее поддержки.

б) Определение участия

Антиправительственные вооруженные силы. Хотя лица из состава антиправительственных вооруженных сил не являются больше военнослужащими государственных вооруженных сил, они не становятся гражданскими лицами просто в силу того, что повернули оружие против правительства. По крайней мере, в той степени и на тот период, пока они сохраняют организацию в рамках структур государственных вооруженных сил, к которым они ранее принадлежали, эти структуры должны оставаться основой и для определения их участия в антиправительственных вооруженных силах.

Другие организованные вооруженные группы. Сложнее дело обстоит с определением принадлежности к организованным вооруженным группам, иным, нежели антиправительственные вооруженные силы. Принадлежность к таким нерегулярным формированиям не определяется на базе внутреннего законодательства. Она редко закрепляется официально посредством акта зачисления в группу, выходящего за пределы простого назначения функции, и не находит последовательного выражения в форменной одежде, определенном отличительном знаке или удостоверениях личности. Ввиду большого разнообразия культурных, политических и военных контекстов, в которых действуют организованные вооруженные группы, могут иметь место различные степени присоединения к таким группам, не обязательно совпадающие с «членством» в значении, которое ему придает МГП. В одном случае присоединение может происходить по личному выбору, в другом – в результате недобровольной вербовки, в третьем – на основе более традиционных критериев типа принадлежности к клану или семье¹. На практике неформальный и подпольный характер структур большинства организованных вооруженных групп и «эластичность» членства в них делают чрезвычайно сложным проведение различия между негосударственной стороной в конфликте и ее вооруженными силами.

Как было показано выше, в МГП, регламентирующем немеждународные вооруженные конфликты, понятие организованной вооруженной группы охватывает негосударственные вооруженные силы в чисто функциональном смысле. Однако для практических целей принципа проведения различия членство в таких группах не может устанавливаться на основе абстрактного присоединения, семейных связей или других критериев, делающих возможными ошибки, произвольные заключения или злоупотребления. Вместо этого следует исходить из соответствия функции, постоянно выполняемой лицом, коллективной функции группы в целом, а именно ведению военных действий за негосударственную сторону в конфликте². Следовательно, для МГП решающим критерием индивидуального членства в организованной вооруженной группе является ответ на вопрос, выполняет ли лицо в рамках группы на постоянной основе функции, связанные с непосредственным участием в военных действиях (далее «постоянные боевые функции»)³. Выполнение постоянных боевых функций не влечет за собой *de jure*

¹ Background Doc. DPH 2005, Armed Groups (IV–V), p. 15.

² О коллективном или индивидуальном характере постоянных боевых функций см. Report DPH 2008, p. 55.

³ О квалификации поведения в качестве непосредственного участия в военных действиях см. ниже раздел V.

получение права на привилегию комбатанта¹. Скорее, это отличает членов организованных военных сил негосударственной стороны от гражданских лиц, которые принимают непосредственное участие в военных действиях чисто стихийно, спорадически и неорганизованно или выполняют исключительно политические, административные и другие небоевые функции².

Для выполнения постоянных боевых функций требуется долговременное включение в состав организованной вооруженной группы, действующей как вооруженные силы негосударственной стороны в вооруженном конфликте. Таким образом, лица, чьи постоянные функции связаны с подготовкой и осуществлением действий и операций, составляющих непосредственное участие в военных действиях, и отдачей приказов о них, выполняют постоянные боевые функции. Лицо, завербованное, обученное и снаряженное такой группой для того, чтобы на постоянной основе принимать непосредственное участие в военных действиях за эту группу, может рассматриваться как выполняющее постоянные боевые функции даже до того, как оно совершит первое враждебное действие. Таких лиц следует отличать от лиц, которых можно сравнить с резервистами и которые, после периода базовой подготовки и активного участия в деятельности группы, оставляют последнюю и возвращаются к гражданской жизни. Такие «резервисты» являются гражданскими лицами до тех пор, пока их снова не призвуют на действительную службу, и за исключением периода последней.

Лица, которые постоянно сопровождают и обслуживают организованную вооруженную группу, но выполняют при этом функции, не связанные с непосредственным участием в военных действиях, не являются членами этой группы в свете МГП. Они остаются гражданскими лицами, выполняющими вспомогательные функции наподобие частных подрядчиков и гражданских служащих, следующих за государственными вооруженными силами. Таким образом, вербовщики, инструкторы, финансисты и пропагандисты могут постоянно содействовать общим военным усилиям негосударственной стороны в конфликте, но не являются членами организованной вооруженной группы, принадлежащей этой стороне, за исключением случаев, когда выполняемые ими функции дополнительно включают в себя деятельность, составляющую непосредственное участие в военных действиях. То же самое относится к лицам, чьи функции ограничиваются закупками, незаконным ввозом, изготовлением и техническим обслуживанием вооружений и другого снаряжения вне рамок конкретных военных операций или сбором разведывательной информации иной, нежели тактического характера. Хотя такие лица могут сопровождать организованные вооруженные группы и оказывать существенную поддержку стороне в конфликте, они не выполняют постоянных боевых функций и не могут рассматриваться как члены организованной вооруженной группы для целей

¹ Привилегия комбатанта, а именно право принимать непосредственное участие в военных действиях, пользуясь при этом иммунитетом от судебного преследования на основе внутригосударственного законодательства за законные акты войны, предоставляется только лицам из состава вооруженных сил сторон в международном вооруженном конфликте (за исключением медицинского и духовного персонала), а также участникам ополчения (ст. 1 и 2 ГК IV П; ст. 43 [1] ДП I). Хотя все привилегированные комбатанты имеют право непосредственно участвовать в военных действиях, они не обязательно выполняют функции, требующие от них этого (например, повара, административный персонал). Соответственно лица, не принадлежащие к привилегированным категориям, но выполняющие постоянные боевые функции, и в немеждународном вооруженном конфликте согласно МГП не имеют права на привилегию комбатанта.

² Преобладающая точка зрения, высказывавшаяся на встречах экспертов, состояла в том, что лица перестают быть гражданскими лицами в значении, которое придает этому понятию МГП, на тот период, пока они постоянно выполняют функции, связанные с непосредственным участием в военных действиях («постоянные боевые функции») в рамках организованной вооруженной группы, принадлежащей стороне в немеждународном вооруженном конфликте (Expert Paper DPH 2004 (Prof. M. Bothe); Report DPH 2005, p. 43, 48, 53, 63, 82; Report DPH 2006, p. 9., 20, 29–32, 66; Report DPH 2008, p. 46–60).

принципа проведения различия¹. Как гражданские лица они пользуются защитой от непосредственного нападения, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях, даже если их деятельность и местонахождение могут повышать вероятность случайной гибели или ранения.

На практике принцип проведения различия должен применяться исходя из доступной информации, которую при имеющихся обстоятельствах есть разумные основания рассматривать как надежную. Выполнение постоянных боевых функций может открыто выражаться через ношение форменной одежды, отличительных знаков и некоторых видов оружия. Однако оно может быть идентифицировано и на основе позволяющего сделать определенные выводы поведения, например, когда лицо неоднократно принимало непосредственное участие в военных действиях в поддержку организованной вооруженной группы в обстоятельствах, показывающих, что такое поведение представляет собой постоянную функцию, а не стихийно, спорадически или временно принятую роль на время определенной операции. Какие бы критерии ни применялись при имплементации принципа проведения различия в конкретном контексте, они должны позволять надежно отличать лиц из состава вооруженных сил негосударственной стороны в конфликте от гражданских лиц, которые не принимают непосредственного участия в военных действиях или которые делают это чисто стихийно, спорадически и неорганизованно. Как будет показано ниже, при таком определении следует принимать все возможные меры предосторожности и, если есть сомнения, исходить из презумпции получения права на защиту.

Выводы

Для целей принципа проведения различия в немеждународном вооруженном конфликте все лица, не входящие в состав государственных вооруженных сил или организованных вооруженных групп стороны в конфликте, являются гражданскими лицами, пользующимися в силу этого защитой от непосредственного нападения, за исключением случаев и на тот период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях. В немеждународном вооруженном конфликте организованные вооруженные группы составляют вооруженные силы негосударственной стороны в конфликте и включают в себя только лиц, чья постоянная функция состоит в непосредственном участии в военных действиях («постоянные боевые функции»).

II. Частные подрядчики и гражданские служащие

¹ Очевидно, что такая «непринадлежность» не исключает возможности привлечения гражданских лиц, оказывающих поддержку организованным вооруженным группам, к судебной ответственности по внутреннему законодательству и – в случае международных преступлений – по международному праву.

Частные подрядчики и служащие стороны в вооруженном конфликте, которые являются гражданскими лицами, пользуются защитой от непосредственного нападения, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях. Однако их деятельность и местонахождение могут повысить риск случайной гибели или ранения, даже если они не принимают непосредственного участия в военных действиях.

1. Особые трудности, связанные с частными подрядчиками и гражданскими служащими

В последние десятилетия стороны в вооруженных конфликтах стали все шире использовать частных подрядчиков и гражданских служащих для выполнения целого ряда функций, которые традиционно поручались военному персоналу¹. Вообще говоря, ответ на вопрос, являются ли частные подрядчики и служащие стороны в вооруженном конфликте гражданскими лицами согласно МГП или же они принимают непосредственное участие в военных действиях, зависит от тех же критериев, которые применяются к любому гражданскому лицу. Специфическая роль этого персонала требует, чтобы определение производилось с особой тщательностью и с учетом географической и организационной близости многих частных подрядчиков и гражданских служащих к вооруженным силам и зоне военных действий.

Следует также отметить, что цель проведения различия между гражданскими лицами и личным составом вооруженных сил может не вполне совпадать в национальном законодательстве и международном праве. В зависимости от законов страны принадлежность к вооруженным силам может иметь административные, правовые и другие последствия, не имеющие отношения к принципу проведения различия при ведении военных действий. В свете же МГП важнейшими последствиями принадлежности к вооруженным силам являются исключение из категории гражданских лиц и – в международном вооруженном конфликте – право принимать непосредственное участие в военных действиях за одну из сторон в конфликте (привилегия комбатанта). Поскольку понятия гражданских лиц и вооруженных сил определяются для целей ведения военных действий, соответствующие стандарты должны выводиться из МГП.

подавляющее большинство частных подрядчиков и гражданских служащих, чья деятельность в настоящее время связана с ведущимися вооруженными конфликтами, не включены в состав государственных вооруженных сил и выполняют функции, не вынуждающие их принимать непосредственное участие в военных действиях (то есть постоянные боевые функции отсутствуют). Поэтому согласно МГП они подпадают под определение гражданских лиц². Хотя они и пользуются в силу этого защитой от непосредственного нападения, нахождение вблизи вооруженных сил и других военных объектов создает для них большие по сравнению с другими гражданскими лицами опасности, связанные с военными операциями, в том числе и риск случайной гибели или ранения³.

Однако в некоторых случаях чрезвычайно сложно определить характер – гражданский или военный – деятельности подрядчика. Например, грань между защитой военного персонала и других военных объектов от неприятельских нападений (непосредственное участие в военных действиях) и защитой тех же лиц и объектов от преступных посягательств и насилия, не связанных с военными действиями (правоохранительная деятельность / самооборона и защита других лиц), может быть тонкой. Поэтому в данных

¹ Эта тенденция вызвала к жизни совместную инициативу швейцарского правительства и МККК, касающуюся вопроса о частных военных и охранных компаниях. В результате появился «Документ Монтрё, содержащий международные правила и положения для государств о передовых практических методах в отношении частных военных и охранных компаний, действующих в зонах вооруженных конфликтов» от 17 сентября 2008 г., согласованный 17 государствами-участниками.

² Report DPH 2005, p. 80.

³ Report DPH 2006, p. 34.

условиях особенно важно соблюдать общие предписания МГП о мерах предосторожности и презумпциях, из которых следует исходить в ситуациях, вызывающих сомнения.

2. Международный вооруженный конфликт

Непосредственное участие в военных действиях за одну из сторон в конфликте гражданских лиц, в том числе тех, которым официально разрешено следовать за вооруженными силами и которые имеют право на статус военнопленного, если окажутся во власти противной стороны, никогда не предполагалось¹. Поскольку частные подрядчики и гражданские служащие не включены в состав вооруженных сил, они не перестают быть гражданскими лицами просто в силу того, что они следуют за вооруженными силами и выполняют иные функции, нежели непосредственное участие в военных действиях, которые традиционно поручались военным служащим. Если такой персонал непосредственно участвует в военных действиях без официального или молчаливого разрешения государства-стороны в конфликте, составляющие его лица остаются гражданскими и утрачивают защиту от непосредственного нападения на тот период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях².

Другим будет вывод в отношении подрядчиков и служащих, которые были фактически включены в личный состав вооруженных сил стороны в конфликте, будь то посредством официальной процедуры, предусмотренной национальным законодательством, или путем придания *de facto* постоянных боевых функций. Согласно МГП такой персонал становится частью организованных вооруженных сил, группы или подразделения, находящихся под командованием, ответственным перед стороной в конфликте, и уже не сможет рассматриваться в качестве гражданских лиц для целей принципа проведения различия³.

3. Немеждународный вооруженный конфликт

Приведенные выше замечания относятся также *mutatis mutandis* к немеждународным вооруженным конфликтам. Следовательно, на тот период, пока частные подрядчики выполняют постоянные боевые функции в интересах организованной вооруженной группы, принадлежащей негосударственной стороне в конфликте, они становятся членами этой группы⁴. Теоретически частные военные компании могут даже стать независимыми негосударственными сторонами в немеждународном вооруженном кон-

¹ Из категорий лиц, имеющих право на статус военнопленного согласно статье 4 [1] – [6] ЖК III, те, которые поименованы в статье 4 [4] ЖК III (гражданские лица, следующие за вооруженными силами) и статье 4 [5] ЖК III (члены экипажей судов торгового флота и экипажей гражданской авиации), являющиеся гражданскими лицами (ст. 50 [1] ДП I). Как и любые другие гражданские лица, они исключены из категорий, пользующихся привилегией комбатанта, а именно из категорий личного состава вооруженных сил и участников ополчения (ст. 43 [1] и [2], 50 [1] ДП I; ст. 1 и 2 ГК IV П) и, следовательно, не имеют права принимать непосредственное участие в военных действиях, будучи при этом наделенными иммунитетом от судебного преследования по внутреннему законодательству.

² Report DPH 2005, p. 82.

³ Преобладающая точка зрения, высказывавшаяся на встречах экспертов, состояла в том, что для целей ведения военных действий частные подрядчики и гражданские служащие, получившие от государства разрешение принимать непосредственное участие в военных действиях на его стороне, прекращают быть гражданскими лицами и, в свете МГП, входят в личный состав вооруженных сил независимо от официального зачисления. Отмечалось, что от ставших историей каперских свидетельств, выдававшихся каперам, до современной привилегии комбатанта непосредственное участие в военных действиях с разрешения государства всегда считалось законным и, следовательно, давало иммунитет от судебного преследования по национальному законодательству. См. DPH 2003, p. 4; Report DPH 2004, p. 11, 14; Expert Paper DPH 2004 (Prof. M. Schmitt), p. 8; Report DPH 2005, p. 74. and 80; Background Doc. DPH 2005, WS VIII–IX, p. 17.

⁴ См. Report DPH 2005, p. 81.

фликте¹. При этом частные подрядчики и гражданские служащие, не входящие в личный состав вооруженных сил и не являющиеся участниками организованных вооруженных групп, должны рассматриваться как гражданские лица, пользующиеся в силу этого защитой от непосредственного нападения, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях.

Выводы

Ответ на вопрос о том, являются ли частные подрядчики и гражданские служащие стороны в конфликте гражданскими лицами в свете МГП или же принимают непосредственное участие в военных действиях, зависит от тех же критериев, которые применяются к любым другим гражданским лицам. Географическая и организационная близость такого персонала к вооруженным силам и военным действиям требует, чтобы определение проводилось с особой тщательностью. Те из них, которые квалифицируются как гражданские лица, пользуются защитой от непосредственного нападения, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях, хотя их деятельность и местонахождение повышают для них риск случайной гибели или ранения. При этом не исключается возможность того, что для целей иных, нежели ведение военных действий, внутригосударственное законодательство может регламентировать статус частных подрядчиков и служащих отличным от МГП образом.

Нильс МЕЛЬЦЕР, МККК.

Фото Андрея Ордина.

¹ Там же.

Семенов Дмитрий Алексеевич, военный журналист.
E-mail: mgp_smi@mail.ru

МЫ, ЕГО КОЛЛЕГИ И СОСЛУЖИВЦЫ, ДО КОНЦА НАДЕЯЛИСЬ НА ЛУЧШЕЕ

От ранений, полученных в результате атаки украинских боевиков в зоне СВО, скончался военный журналист, офицер Редакционно-издательского центра «Красная звезда» лейтенант Никита Максимович Гольдин.

...Мы, его коллеги и сослуживцы, до конца надеялись на лучшее. Верили, что молодой организм справится, что дела пойдут на поправку. Тем более что врачи старались как могли. И все же медицина оказалась бес- сильной. Рано утром 22 апреля 2025 г. сердце Никиты остановилось...

В народе часто говорят: «Смерть выбирает лучших». На примере Никиты Гольдина этот неписанный постулат подтвердился с печальной точностью. Один из лучших выпускников второго потока факультета журналистики – направления обучения, возрожденного по инициативе Департамента информации и массовых коммуникаций Минобороны России на базе Военного университета имени князя Александра Невского. Он осознанно выбрал именно эту специальность и именно этот вуз, а до поступления в него прошел обучение в кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. То есть к службе готовился основательно.

«В университете Никита всегда был в первых рядах, – вспоминает однокурсник и близкий друг Никиты Гольдина лейтенант Никита Сахаров. – Учился только на хорошо и отлично, вел стенную печать курса, делал большие успехи в создании видео-материалов. Всегда был отзывчивым, готовым прийти на помощь в трудную минуту. На первой же стажировке в редакции газеты «Красная звезда» показал себя также достойно. Его материалы о боевой подготовке, об армейском спорте заняли достойное место на газетных полосах».

В числе наиболее подготовленных офицеров лейтенант Н.М. Гольдин по завершении учебы был отобран для работы непосредственно в ДИМК. Трудился здесь в сфере, связанной с подготовкой телевизионного контента. А затем как уже получивший определенный опыт специалист был делегирован в РИЦ «Красная звезда», где включился в работу вновь формируемой структуры, связанной с выстраиванием информационного взаимодействия с гражданскими СМИ.

Здесь, как и на предыдущем месте службы, а ранее в период учебы, лейтенант Н.М. Гольдин проявил себя только с лучшей стороны. Ответственный, дисциплинированный офицер, талантливый журналист, деятельная творческая натура. На него всегда можно было положиться – в любом деле, в любом начинании. Общительный и дружелюбный, всегда с легкой улыбкой на устах, но при этом спокойный, рассудительный, интеллигентный – он пользовался уважением в коллективе, был на хорошем счету у командования.

К любому порученному делу относился с профессиональной щепетильностью, находил нестандартные подходы, подбирал в своих материалах сильные слова и яркие фразы. Умело показывал себя и как телевизионный репортер, в том числе регулярно готовил сюжеты для эфира телеканала «Звезда», и как автор газетных публикаций – в «Красной звезде», «Московском комсомольце», других периодических изданиях.

«Он был настоящим журналистом-универсалом, – говорят сослуживцы. – Никита мог не только написать хороший текст, но и сделать интересный и захватывающий видеоматериал. Именно поэтому он очень быстро прижился в коллективе новостной редакции телеканала «Звезда». Благодаря журналистскому таланту и особому взгляду мог привлечь внимание зрителя практически к любой теме. За небольшой период работы корреспондентом на ТВ Никита успел поработать на море и на суше, пообщаться с представителями различных видов и родов войск Вооруженных Сил».

Направление, которое в период работы в РИЦ «Красная звезда» было поручено Никите, включало в себя практическое участие в освещении событий СВО, и он с самого начала работы добивался своей отправки в район боевых действий. Хотел лично принять участие в сражении за правду, быть на переднем крае этой битвы, рядом с нашими воинами. Плечом плечу с такими же, как и он, защитниками Отечества.

Когда решение о командировке было принято, собрался спор – получил средства бронезащиты, медицинскую аптечку. Жаль, но воспользоваться ею он так и не успел. Прицельный удар по группе журналистов, нанесенный украинскими боевиками мощной ракетой, не оставил им шансов. На месте погибли трое сотрудников СМИ, а Никита и сопровождавший их офицер получили тяжелые ранения и были доставлены в военное медицинское учреждение. Здесь им была оперативно оказана вся необходимая помощь, а спустя время пострадавших со всеми предосторожностями переправили в один из столичных госпиталей, где лечение продолжилось. К сожалению, раны, полученные нашим коллегой, оказались слишком тяжелыми...

«Да, Никита больше не с нами, и прав был писатель Антуан де Сент-Экзюпери: «Нет, никто никогда не заменит погибшего товарища. Старых друзей наскоро не создашь», – говорит лейтенант Никита Сахаров. – С этим нельзя не согласиться, ведь не существует большего богатства, чем общие воспоминания, часы, проведенные вместе, пусть даже ссоры, но обязательно – примирения. Все это теперь навсегда поселится в сердцах родных, друзей, близких и коллег Никиты Гольдина. Более того, это станет опорой и крепкими подспорьем для новых славных дел, которые будут совершаться отчасти и во имя его доброй памяти».

Пусть земля примет его тело, а небо как можно бережнее отнесется к душе – юной, чистой, наивной. Указом Президента РФ лейтенант Н. Гольдин удостоен ордена Мужества. Мы, военные журналисты РИЦ «Красная звезда», навсегда сохраним образ этого доброго, светлого, обаятельного парня, мужественного, бесстрашного офицера, настоящего друга и соратника. Вечная память!

**Дмитрий Семенов.
Фото Андрея Ордина.**

На фото победители олимпиады «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права» –2023. Второй справа – Никита Гольдин.

VIII МЕЖВУЗОВСКАЯ ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

В июне 2025 г. в Институте журналистики, коммуникаций и медиаобразования Московского педагогического государственного университета прошло подведение итогов VIII межвузовской олимпиады «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

Первое место заняла команда Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. В ее состав вошли студенты Института права и национальной безопасности К.С. Кан, Г.П. Караблина, В.С. Карташева.

Второе место в командном зачете завоевали представители Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ в составе курсантов-журналистов Я.М. Булгакова, А.А. Наумова, А.В. Щербины.

Третье место в командном зачете разделили команды Московского государственного лингвистического университета. Состав первой команды – студенты А.О. Михайлова, П.Г. Решетова, А.А. Ямбикова. В состав второй вошли А.А. Мишутина, В.М. Белоусова, А.Д. Шавалдина.

В личном первенстве в олимпиаде победила студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ В.С. Карташева.

Второе место разделили курсант Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ Я.А. Кармаданов и студентка Академии гражданской защиты МЧС России Т.В. Шаталина.

Третье место заняла студентка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Г.П. Караблина.

Победителям олимпиады были вручены денежные премии от ООО «Курский аккумуляторный завод» и ценные подарки от Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России и Белоруссии.

Дипломы, премии и ценные подарки победителям вручал советник по связям с общественностью генерального директора ООО «Курский аккумуляторный завод», член Совета Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации», кандидат педагогических наук Т.М. Сыртланов.

В этом году участие в олимпиаде приняли шестнадцать команд вузов Москвы и Московской области. Они представляли Академию гражданской защиты МЧС России, Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, Московский государственный лингвистический университет, Московский государственный институт культуры, Московский городской педагогический университет, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московский технический университет связи и информатики, Российский государственный гуманитарный университет, Финансовый университет при Правительстве РФ.

В личном первенстве боролись 56 студентов бакалавриата и специалитета, обучающиеся по направлениям (специальностям): «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Олимпиаде предшествовала открытая лекция по теме «Международно-правовой статус журналиста в условиях вооруженного конфликта». Ее провел организатор олимпиады – заведующий кафедрой коммуникационного менеджмента и рекламы, связей с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ, главный редактор научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ», доктор исторических наук, профессор А.В. Козлов.

Прошла олимпиада при поддержке Региональной делегации Международного Комитета Красного Креста в России и Белоруссии, Союза журналистов Москвы, Московского отделения Союза журналистов России, Региональной общественной организации «Ассоциация исследователей деятельности информационных служб и средств массовой информации» («ЛидТерра»), научного журнала «Актуальные проблемы международного гуманитарного права и СМИ».

Андрей Ордин.

На фото: Победители VIII межвузовской олимпиады «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

Фото автора.

КОНКУРС НАУЧНЫХ СТАТЕЙ «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовский конкурс научных статей «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в конкурсе приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Конкурсная комиссия принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, набранного в текстовом редакторе Word через два интервала, с конечными ссылками на использованные источники.

Работы необходимо прислать в адрес конкурсной комиссии (mgp_smi@mail.ru) до 1 мая 2026 г. Подведение итогов конкурса и награждение победителей состоится в июне 2026 г.

К участию в конкурсной комиссии будут привлечены эксперты Центра исследований деятельности информационных структур и СМИ в условиях вооруженных конфликтов.

Лучшие работы будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

**Председатель конкурсной комиссии –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель.**

ОЛИМПИАДА «СМИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА»

Институт журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета совместно с Союзом журналистов Москвы объявляет межвузовскую олимпиаду «СМИ и актуальные проблемы международного гуманитарного права».

К участию в олимпиаде приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по направлениям: «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью», «Юриспруденция».

Олимпиада состоится в апреле 2026 г. на площадке Института журналистики, коммуникации и медиаобразования Московского педагогического государственного университета (учебный корпус «ТАГАНКА» – Верхняя Радищевская улица,

д. 16–18). Форма проведения – тестирование.

Заявки на участие просим присылать по электронному адресу: mgp_smi@mail.ru.

Результаты олимпиады будут опубликованы в научном журнале «Актуальные проблемы МГП и СМИ».

**Председатель жюри –
Виктор Николаевич Литовкин, военный обозреватель.**

